

ТАТЬЯНА
ЕРИИК

Серебро ночи
трилогия вторая

- Секундо -

Книга первая

Серебро ночи

Татьяна Герцик

Серебро ночи. Секундо. Книга 1

«Дана Хадсон»

2019

Герцик Т.

Серебро ночи. Секундо. Книга 1 / Т. Герцик — «Дана Хадсон»,
2019 — (Серебро ночи)

ISBN 978-0-4632-5918-4

Книга первая второй трилогии саги «Серебро ночи». Невеста короля Ульриха, Лусия, привозит в Северстан Секундо, осколок магического камня из короны королей Терминуса. Он помогает ей стать настоящей владычицей страны, но после ее смерти превращается в источник кровавых раздоров, коварных интриг, неистовых страстей и безуспешных поисков.

ISBN 978-0-4632-5918-4

© Герцик Т., 2019
© Дана Хадсон, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава первая	24
Глава вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Татьяна Герцик

Серебро ночи. Секундо. Книга 1

Редактор-корректор Ольга Костенко

© Татьяна Герцик

Эта книга предназначена исключительно для Вашего личного использования.

Она не может быть перепродана или отдана другим людям. Если Вы хотели бы поделиться этой книгой с другими, пожалуйста, купите дополнительную копию для каждого получателя. Если Вы читаете эту книгу и не покупали ее, или она не была куплена только для Вашего использования, то, пожалуйста, купите свою собственную копию.

Спасибо за уважение к нелегкой работе автора

Пролог

В стекла высоких и узких, когда-то служивших бойницами, окон королевского дворца в Тринали, столице Северстана, било яркое солнце, отражаясь светлыми пятнами на необтесанных камнях двора. Неспешно передвигавшиеся по нему слуги в грубых засаленных одеждах громко перешучивались и смеялись. Торопиться было некуда, все знали, что король раньше полудня не поднимется.

Сам король Северстана, едва прикрытый черным шерстяным одеялом, крепко спал на широкой кровати в покоях своей конкубины, раскинув в стороны руки и ноги. Его сильное тело после страстной ночи с женщиной истомленно нежилось в теплой постели. Красивое, хотя и грубоватое, лицо было спокойно. Ульрих казался безмятежным, что бывало с ним только во сне.

Прерывая его сладкий сон, раздражающе громко запели рога, извещающая о прибытии чужеземной принцессы. Король слегка приоткрыл веки и безнадежно выругался. Терминцы прибыли слишком рано, разбивая его надежду на еще несколько беззаботных холостяцких недель. Лежавшая рядом с ним на смятой постели обнаженная конкубина встрепенулась и опасливо посмотрела на своего властелина.

Он понял этот взгляд по-своему.

– Не бойся, Олия, для нас с тобой ничего не изменится, – снисходительно заверил он ее. – Ты же знаешь, чужеземная принцесса нужна мне лишь для рождения наследника. Едва она родит мне двух сыновей, я отошлю ее прочь из дворца в какой-нибудь дальний монастырь. А ты будешь со мной всегда. – И он погладил ее белый шелковистый живот, многообещающе положив колено на его низ.

Конкубина капризно надула вспухшие от жгучих поцелуев губы. Вывернувшись из-под тяжелой руки любовника, поднялась с кровати и, закутавшись в рубаху короля так, чтоб были видны ее длинные стройные ноги, обидчиво проговорила:

– Это вы сейчас так говорите, мой повелитель. Но едва увидите иноземную принцессу, тут же обо мне забудете. На присланном вам портрете ваша невеста очень красива. Как бы я ни старалась, мне никогда не стать такой красавицей.

Обнажив острые, как у волка, зубы, Ульрих громко расхохотался, потешаясь над ее наивностью.

– И ты веришь придворным мазилам? Мой портрет, посланный в Терминус в обмен на ее, живописует небесного ангела во плоти. Думаешь, ее не такой же? Уверен, он еще лицемернее!

Соблазнительно двигая бедрами, Олия, приблизившись, шаловливо пробежала пальчиками по обнаженной груди небрежно возлежавшего на ложе короля. Остановилась возле поросли, уходящей в нижний треугольник, и нежно ее погладила. Наклонившись так, чтоб в распахнутом вороте рубахи показалась высокая крепкая грудь, прошептала, завлекательно облизав губы кончиком розового язычка:

– Вы не ангел, мой повелитель, нет. Вы невероятно привлекательный Дух ветра. И такой же переменчивый.

Ульрих почувствовал зов крови. Потянув конкубину на себя, опрокинул ее на кровать и с силой раздвинул ее ноги, устраиваясь сверху. Не давая ему сделать то, что хочется, снова призывно запели рога, переходя в нестройный рев.

Короля ждали на дворцовой площади.

Зло поморщившись и выругавшись, Ульрих продолжил начатое. Быстро закончив, выгнулся и простонал имя любовницы, что всегда доставляла ему удовольствие. Ему хотелось передохнуть, но он был вынужден нехотя подняться.

Собственная нагота его не смущала. Он был строен, красив и статен. И знал об этом. Ласково похлопав любовницу по пышному задку, с неудовольствием признал:

– Придется идти. Я должен встретить невесту, иначе меня осудят мои же элдормены. Конфликта с Терминусом я тоже не хочу. – Подхватил любовницу на руки, на мгновение прижал к крепкой груди и обронил обратно на постель со словами: – Но ты подожди меня здесь. Я вернусь к тебе, едва поручу принцессу своей матери. Свадьбу, думаю, справим не раньше, чем через месяц. Она должна привыкнуть к нашим порядкам. В том числе и к тебе, моя радость.

– И ко мне, и еще к десятку других ваших любовниц, мой повелитель, – с тщательно скрываемой ревностью уточнила Олия.

Она бы с удовольствием извела всех соперниц, но пока это делать было рано. Вот сначала разберется с законной супругой, а уж потом...

– Ты первая среди них! – снисходительно утешил ее король. – Когда я с тобой, я забываю о других.

– Мне не приходиться сегодня на ужин, мой повелитель? – она нежно провела по его заросшей колючей щетиной щеке. – Принцесса не должна меня видеть?

Ульрих хмыкнул и на мгновение задумался.

– Почему нет? Обязательно приходи. И садись во главе стола на место хозяйки, как обычно. В конце концов, ты моя главная конкубина, почти королева. А она пусть сразу знает свое место, место племенной кобылы. Ты моя единственная, тебе равных нет. И так будет всегда! – эти слова прозвучали торжественно, почти как клятва.

Даже не подумав умыться, король небрежно натянул на широкие плечи несвежую льняную рубаху, всунул ноги в штаны из грубого сукна, набросил поверх мятый кафтан и вышел из спальни, недовольно мотая головой с нечесаными длинными патлами.

Едва он ушел, Олия соскочила с кровати, и, не замечая холода, подбежала к окну по ледяному каменному полу. Выглянула наружу, не беспокоясь о том, что ее наготу могут увидеть ходившие по двору люди. При виде рдеющих перед дворцом вымпелов чужого королевства ее миловидное лицо исказилось дикой яростью.

– Почему Бренн не подстроил несчастный случай, как ему было велено? – прошипела она, в бешенстве царапая ногтями подоконник. – Что случилось? Его не допускали до принцессы? Но даже в этом случае можно было устроить обвал в пещере, нападение разбойников, отравление, да мало ли еще возможностей избавиться от ненужной мне невесты!

В дверь, ведущую в покои конкубины, просунулась покрытая темной накидкой голова старухи с длинным костлявым лицом, похожим на морду старой лошади. Серый плащ скрывал тело, видны были только тяжелые башмаки из грубой кожи.

– Ты недовольна, Олия? – черные, редкие для Северстана, глаза старухи хищно сверкнули.

– Я недовольна?! – красотка повернулась к ней всем телом и яростно топнула босой ногой. Искажившееся от гнева лицо тотчас превратилось в уродливую маску. – Я в диком гневе! Я готова убить всех бездельников, не соизволивших выполнить мой приказ!

Старуха без поклона, как к равной, вошла внутрь и тщательно притворила за собой толстые двери. Подойдя почти вплотную к жалкой королевской подстилке, как она называла про себя Олию, сочувственно прошептала:

– Я тебя понимаю. Я тоже ужасно зла. Все идет не так, как надо. Бренна в свите принцессы нет. Где он, я узнать не смогла. Возможно, он разоблачен и убит. Но ты не волнуйся, еще не поздно все поправить. Король от тебя без ума. А для верности подлей ему еще приворотного зелья. – Она протянула конкубине небольшую склянку с мутным содержимым.

– Я делаю это почти каждый день! – взвилась Олия, свирепо зыркнув на старуху серыми водянистыми глазами. – Он меня уже замучил своими постылыми ласками! Он пристает ко мне даже в красные дни!

– Тогда тебе нечего бояться. – Пропустив мимо ушей последние фразы, старуха говорила нарочито тихо, стараясь утихомирить возбужденную девицу. – Он ни на кого больше и не взглянет. Да и не сможет быть ни с какой другой женщиной, кроме тебя.

– Это ты так говоришь. – Олия никак не могла успокоиться и шипела, как загнанная в угол змея. – А у него десять любовниц кроме меня! И все они живут во дворце! Он может войти к ним в любой момент!

– Да, но он к ним не заглядывал вот уже полгода, – колдунья зловеще усмехнулась. – Я стараюсь только для тебя, ты же это знаешь.

Олия немного успокоилась и снизила тон.

– Это хорошо. – Но тут же в ее голову пришла сокрушительная мысль: – А вдруг эта иноземка сможет приворожить его сильнее? Вдруг у нее есть колдуньи сильнее тебя? Что мне тогда делать?

Старуха высокомерно заверила, тайно надсмехаясь над используемой ею дурочкой:

– Не беспокойся, моя прелесть. Мое зелье еще никто перебороть не смог. Но для верности я приготовлю для твоей соперницы смертельную отраву. Она будет умирать долго, как от простуды, и никто не сможет догадаться, от чего ей все хуже и хуже, – говорить, что зелье справится с принцессой за несколько минут, не собиралась.

К чему пугать эту трусливую подстилку еще больше? То, что Олию обвинят в смерти принцессы, не боялась, одурманенный зельем король никогда не даст в обиду свою любимую конкубину.

Олия нервно скинула рубаху короля на пол, оставшись голышом, и несколько раз злобно ее пнула, будто топча самого короля.

– Я верю тебе. Но если ты меня обманешь – берегись! Я заставлю тебя об этом пожалеть! – она сделала угрожающий жест, будто рассекала мечом горло колдуньи.

Та пренебрежительно посмотрела на зарвавшуюся королевскую подстилку. Старуха была ниже девицы на пол-ладони, но казалось, что смотрит она на нее сверху вниз.

– Ты смеешь мне угрожать? – ее голос был намеренно смирен, но от этого еще более ужасен.

Олия тут же опомнилась. Колдунья знала слишком много, чтоб ею можно было безбоязненно командовать. Уничтожить ее без последствий было невозможно, она много раз пророчила, что ровно через час после ее смерти умрет тот, кто посмел убить ее.

К тому же, как ей, ничего не понимающей в колдовских зельях, удержать после смерти старухи сластолюбивого короля? В этом ей больше никто не поможет. А без зелья он тотчас найдет себе другую, чего допустить никак нельзя.

Пришлось смирить гордыню. На мгновение сжав зубы, конкубина примирительно выговорила:

– Нет, просто напоминаю. – Решив, что колдунью нужно умаслить, стащила с пальца золотое кольцо с большим сапфиром и подала его старухе. – А это тебе за услуги.

Подслеповато прищурившись, та посмотрела на камень, лежащий на ее узловатой ладони. Потом взяла двумя пальцами, поднесла его к огню, полюбовалась голубоватыми всполохами и пробормотала:

– Неплохой камешек. Можно будет сделать из него славный оберег. Или отраву. Как нужда заставит.

Слегка склонив седую голову в знак прощания, спрятала кольцо за пазуху и бесшумно выскользнула в коридор, плотно закрыв за собой дверь.

Олия с облегчением вздохнула. Она чуть было не поссорилась с колдуньей, рискуя собственной жизнью! Но сегодня такой трудный день. Приезд нежеланной невесты совсем замутил ей голову, она не ждала ее появления, надеясь на успешные труды своего посыльного.

Женщина собственническим взглядом посмотрела вокруг. Подошла к высокой кровати, ласково провела рукой по резной спинке из серебристой березы. Это были ее личные покои. Покои главной конкубины короля. И она не желала лишаться с таким трудом приобретенной роскоши.

И Ульриха она тоже потерять не хотела. Он ей не нравился, порой был даже противен, но он был королем, и этим все было сказано. Связь с ним сулила невероятные возможности. Власть, богатство, заискивание тех, кто в другое время и не посмотрел бы в ее сторону, и возможность наказывать тех, кто посмел шептаться о ней за ее спиной.

У Олии были большие планы на эту жизнь. Пусть ей никогда не стать королевой, ее родословная для этого слишком проста: мать крестьянка, отец мелкий торговец, но в истории Северстана был случай, когда королевский престол, обойдя законных наследников, занял бастард. Почему бы этому не повториться с ней? Жаль, что у нее пока нет детей. Но будут, для этого она сделает все! И тогда ее сын станет королем.

Ее сын, а не этой ничтожной чужестранки! Лусии недолго осталось смотреть на белый свет; смелая и сильная Олия поможет ей перебраться на тот!

Ульрих наблюдал за прибытием кортежа принцессы, стоя в расслабленной позе у парадного входа дворца во главе разнаряженных придворных и откровенно зевая во весь рот. Стоявшая рядом вдовствующая королева в пышном парадном платье с фамильной диадемой на тщательно причесанных волосах укоризненно глянула на сына.

– Уже день, а ты выглядишь как кутила-простолюдин после хорошей попойки! Ты же знал, что к нам едет твоя невеста, и был обязан воздержаться от постельных излишеств! И приготовиться к встрече, чтоб выглядеть соответственно своему сану! Ты все-таки король, а не жалкий пастух! – она знала, что говорить это взрослому, не уважающему ее сыну бесполезно, но сдержаться не смогла.

Тот, как обычно, отмахнулся от нее, как от назойливой мухи, и снова зевнул во весь рот, не давая себе труда прикрыться ладонью.

– Не собираюсь я утруждать себя недостойным угодничаньем, – фыркнул он в ответ на увещевания вдовствующей королевы. – Не аскет и никогда им не буду. И любовниц имею и буду иметь столько, сколько захочу. Никакие венценосные супруги мне не указ.

Мать сердито сдвинула светлые брови.

– Ты несносен! Высокородная принцесса Терминуса не потерпит подобного к себе отношения! – это была скорее надежда, чем уверенность.

– Потерпит, куда она денется! – развязно осадил ее Ульрих. – Можно подумать, я хочу жениться. По мне, холостяцкое житье куда приятнее. Кстати, до свадьбы целый месяц. – Злобно приказал, отплачивая матери за нудные поучения: – За это время вы, ваше величество, научите чужеземку правилам нашего двора и познакомьте с моими наложницами. Не думайте, что после ненужной мне женитьбы я откажусь от своих развлечений. А если принцесса тупа и не сразу поймет, что к чему, да еще и примется возмущаться, то времени понадобится гораздо больше. Думаю, не менее полугода. И вообще, если она придется мне не по нутру, отправлю ее обратно.

Вдовствующая королева задохнулась от возмущения, покраснела и хотела высказать сыну свое негодование, но показался кортеж принцессы, и она горестно сжала губы, надеясь избежать позорящего правящую династию скандала.

Ссориться с могущественным королем Терминуса было смерти подобно. То, что он согласился на этот брак, уже было великой честью. Правда, порой она думала, что король Адэлберто просто решил спрятать дочь в недоступном для врагов Северстане.

С башни снова звонко запели рога, возвещая о въезде кортежа на территорию дворца. Встречающие напряглись в ожидании. Сначала во двор верхом на тонконогих вороных лоша-

дях въехал отряд стражников в металлических кирасах и шлемах, запыленных от дальней дороги. Сквозь пыль смутно проглядывала серебряная чеканка с гербами Терминуса.

Затем показалась длинная кавалькада дорожных карет, на дверце каждой тускло поблескивали незнакомые гербы. Вокруг каждой цепью скакали вооруженные стражники с такими же гербами, что на каретах.

Последней, плотно окруженная еще одним отрядом стражников с королевскими гербами на латах, показалась карета с королевскими гербами Терминуса, запряженная четверкой белоснежных лошадей с пышными плюмажами на головах. Подъехав почти вплотную, остановилась перед королем.

Но тот с пренебрежительной миной завел руки за спину, не желая открывать дверцу перед невестой, как было положено по этикету. Лишь взглядом приказал исполнить свои обязанности хёвдингу, игнорируя возмущение вдовствующей королевы.

Тот сделал шаг вперед, почтительно открыл дверцу и протянул руку, помогая выйти из кареты симпатичной девушке в слегка помятом дорожном платье темно-серого цвета. Она была вовсе не похожа на присланный Ульриху портрет, и королева заметила:

– Подруга принцессы.

Подтверждая ее слова, раздался звучный голос герольда:

– Леди Инлесия, дочь герцога Ланкарийского.

Девушка присела в низком реверансе, опустив глаза.

«Герцогиня? – король несколько напрягся. – Это что еще за рыба такая? В его королевстве знать – элдормены, их жены – элдормессы, остальные простолюдины, кроме дроттинов, жрецов в храмах. И он не собирается именовать приехавших с невестой людей этими дурацкими прозвищами. Ему и самому гораздо больше нравится свой старинный титул – «конунг», чем новомодное «король».

Девушка все так же почтительно стояла перед ним, ожидая разрешения удалиться. Наконец король позволил ей это небрежным кивком, отметив про себя, что Олия куда красивее.

Из кареты медленно выбралась немолодая дама в глубоком трауре с усталым сероватым лицом.

– Герцогиня Ланкарийская, вдова герцога Ланкарийского, – прозвучало представление герольда.

Она бросила цепкий взгляд на короля и тут же разочарованно отвернулась, присев в недостаточно низком реверансе.

Ульрих чуть заметно скривил губы. И чем это он ей не приглянулся? Может, она надеялась, что он старше? Тогда бы у нее был шанс завлечь его в свои сети? Неужели в свите принцессы все такие дуры?

Хёвдинг подал руку появившейся в дверях кареты очередной девице в длинной шелковой епанче, заколотой у горла сапфировой фибулой. От епанчи шла темная накидка, прикрывающая лицо, и это насторожило короля.

Что это за шутки? Неужто принцесса столь уродлива, что вынуждена скрывать свое лицо за жалкими тряпками? Как он и думал, ее прекрасный портрет только хитрость, имеющая одну цель – завлечь его в сети постылого брака!

– Ее высочество принцесса Терминуса! – голос герольда резал по напряженным нервам, как струна.

Принцесса склонилась в приветственном реверансе, вовсе не столь глубоком, как ее придворные дамы.

Король ответил ей небрежным поклоном, негромко заметив с нарочитым беспокойством, больше похожим на издевательство:

– Отчего моя невеста скрывает от нас свой дивный лик? Чем мы заслужили подобную немилость?

Это прозвучало чересчур язвительно, и вдовствующая королева поспешила смягчить неласковые слова сына:

– Вы, наверное, устали с дороги, дорогое дитя?

Принцесса подняла тонкую руку, открывая лицо.

– Конечно, устала. Мы все устали. Но если того желает мой будущий супруг, то я вполне могу обойтись и без накидки, – она говорила с легким акцентом, делавшим ее речь не по-здешнему мягкой.

Король со снисходительной усмешкой посмотрел на ее лицо и окаменел, гулко сглотнув. Зря он приписывал королевскому живописцу Терминуса желание польстить принцессе. Тот не сумел передать всей прелести ее юной красоты. Женщины Северстана тоже были красивы, но, как теперь понял король, грубой животной красотой. А перед ним возник небесный идеал.

По рядам встречающих прокатился восхищенный вздох. Король замер, впервые взревновав своего хёвдинга, все еще державшего принцессу за руку и очарованно на нее глядящему. Ульриху захотелось оттолкнуть его, даже ударить за то, что посмел прикоснуться к его невесте. И снова скрыть за накидкой это дивное лицо. Чтоб никто, кроме него самого, не смел им любоваться.

Вдовствующая королева первая прервала пораженное молчание, сделав шаг вперед и предложив:

– Пойдемте со мной, дитя мое. Вы устали, вам нужен отдых после тяжелой дороги. Я покажу вам ваши покои.

– Надеюсь, свадьба состоится не ранее, чем через месяц, как записано в брачном договоре? – принцесса выпустила поддерживающую ее руку хёвдинга и подошла ближе к будущей свекрови. – Мне нужно здесь освоиться. – И она обвела унылым взглядом королевский дворец.

– Месяц? – очнулся от охватившего его ступора Ульрих. – Конечно, нет! Свадьба будет через пять дней! – он хотел сказать «завтра», а еще лучше «сегодня», но понимал, что подобной поспешностью только унижит принцессу.

– Но, мой сын... – вдовствующая королева явно хотела напомнить королю его же опрометчивые слова, сказанные столь недавно, но он неучтиво ее прервал:

– Позвольте в предназначенные для вас покои проводить мне вас самому, моя драгоценная невеста! Они соединяются с моими, как и положено супругам. Но обещаю, что до свадьбы я смежную дверь не открою, – и подал руку нареченной.

Она неохотно ее приняла, положив сверху ладонь безупречной формы с одним скромным кольцом. Ульрих поспешно, стремясь скрыть прекрасную невесту от устремленных на них со всех сторон любопытствующих глаз, пошел во дворец, откровенно любуясь ее переменчивым лицом.

По дороге рассказывал, где что находится, изнемогая от желания прижать ее к себе покрепче и сорвать с губ запрещенный пока еще поцелуй. И знал, что этого делать нельзя. Потому что потом он не сможет остановиться.

Слушая его вполуха, принцесса смотрела вокруг с тоскливым недоумением. Лежавшие в темном зале на первом этаже соломенные тюфяки для слуг, стоявшая в воздухе плотной стеной мерзкая вонь от немытых человеческих тел и бегающих тут же собак, малюсенькие покои, отведенные ей в одном из флигелей замка, отсутствие элементарных удобств ее угнетали.

– Вы не хотите построить новый дворец? – обратилась она в конце недолгого путешествия к своему спутнику.

– Новый дворец? Зачем? – не понял ее король.

Она сухо пояснила:

– Видите ли, ваше величество, в моем королевстве в таких домах, – он понял, что его дворец опустили до звания заурядной лачуги, – обитают зажиточные горожане, купцы и ремес-

ленники. Аристократы же живут в настоящих дворцах. Разве вам никто не говорил, что по сравнению с королевскими дворцами соседних стран ваш дом – жалкая халупа?

Если б это ему сказал кто-то из его подданных, Ульрих в ответ либо язвительно рассмеялся, либо снизошел до презрительного «тебе надо, ты и строй». Но теперь по его коже прокатилась горячая волна настоящего стыда, не испытанного им с детских лет. С тех самых пор, как он промахнулся из своего первого настоящего лука по бегущей по двору курице и услышал пренебрежительный смех отца.

– Все будет так, как вы пожелаете... Я приглашу зодчих, если вы считаете, что в этом жить нельзя, – поспешно заверил он принцессу.

Она твердо оборвала его уверения:

– Жить здесь можно. Но не королю и его семье. Возможно, кому-то из вассалов, простым дворянам. Но не аристократам крови. А зодчих приглашать не нужно. В моей свите есть и зодчие, и строители. Конечно, их мало, чтобы построить достойный короля дворец, но они могут обучить ваших людей.

– Вам это посоветовал ваш отец? – настороженно спросил он, посуровев. Принижать Северстан он не позволит никому!

Принцесса отошла от него на шаг, чуть заметно поморщившись, и он понял, что стоял к ней непозволительно близко. И тут же его снова захлестнула волна стыда – от него наверняка пахло постельными развлечениями и невымытым телом. Что о нем может подумать эта строгая красавица? Что он настоящий дикарь?

– Нет, так решила я сама, – принцесса едва сдержалась, чтоб брезгливо не зажать нос рукой, отгораживаясь от вони, идущей от неопрятного жениха. – Прочла описание вашей страны, присланное нашим легатом, и сочла это необходимым. Все эти люди последовали за мной добровольно. Их никто не принуждал.

Ульрих догадался, какая гнусная слава идет о его королевстве по свету. Перекривившись, спросил:

– Вы все предусмотрели, не так ли? – стыд сменился досадой. Неужто он впрямь так плохо живет или его просто желают испытать?

Она с грустной усмешкой опровергла его уверенность:

– Все предусмотреть невозможно. Но то, что связано с величием королевства, которым мне придется править, то да.

Король поразился, даже не пытаясь это скрыть. В Северстане никогда не правили женщины и никогда не будут. Их предназначение, как бы они ни были красивы, – рожать королям наследников. Если повезет, служить утехой мужу наравне с конкубинами, и ничего более. Но разуверять ее не стал. Пусть тешит себя пустыми надеждами, никому от этого вреда нет.

– Вы не хотели сюда приезжать? – отчего-то ему это было очень важно знать.

Взгляд прекрасных синих глаз затуманился.

– Кого интересует, хотим мы чего-либо или нет? – тихо ответила она. – Перед нами одна дорога – королевский долг. Вас тоже наверняка никто не спрашивал, хотите ли вы на мне жениться. Мы должны – и в этом вся наша жизнь.

Король с ужасом понял, что принцесса знает о его многочисленных любовницах. Да и сама, возможно, в кого-то тайно влюблена. Эта мысль принесла острую неприятную боль, пронзившую сердце.

– Я очень рад, что мне нужно жениться именно на вас, моя дорогая. Но вы предпочли бы кого-то другого? – и напряженно замер в ожидании ответа.

Лусия не собиралась открывать ему свои тайны. Ее слова прозвучали со спокойным достоинством:

– Ко мне сватались многие достойные особы королевской крови. Но я всегда знала, что мужа мне выберет отец. Поэтому мне некого было предпочитать.

Они подошли к приготовленным для принцессы покоем. Войдя внутрь, она остановилась посреди спальни, где уже сустились ее служанки. Слегка презрительный взгляд скользнул по убогому убранству отведенных ей комнат. Простое дерево, голые каменные полы и жуткий сквозняк из всех щелей. Неужели в подобных местах живут все члены королевской семьи, или это только ей оказана столь «высокая честь»?

Может быть, это очередная попытка ее унижить? Она запомнила, что король не потрудился встретить ее, как подобает. Вышел в какой-то грязной одежде, нечесаный и помятый, явно после развратной ночи. Даже руку не протянул, чтоб помочь выйти из кареты после долгого и трудного пути в эту дикую страну.

Взглянув на наводивших порядок служанок, одернула сама себя. Ей в первую очередь нужно думать о своих людях, а потом уже об отношении к ней этого мужлана, именуемого королем Северстана.

– Надеюсь, моя свита будет устроена достойным образом? – ее голос звучал со сдержанным недовольством.

В этом король уже не был уверен. Если эти покои, которые он считал вполне приличными, кажутся его невесте чем-то вроде грязного хлева для свиней, чего она и не скрывает, то ее свите вряд ли понравится отведенное для нее жилье.

Он знал, что многим из них придется жить по несколько человек в одной комнате. А для слуг место было только одно – общий зал первого этажа, где они будут спать вповалку с местной прислугой на соломенных тюфяках, которые никто не озаботился перебить. Да и блохи, живущие в грязном полу, вряд ли станут для изнеженных южан приятным откровением.

Надо было ему лучше готовиться к приезду принцессы. Зря он отменил все приказы матери по уборке дворца, считая, что не стоит расстилаться перед иноземкой и ее прислужниками. Вот если б он знал, что ее нежная красота сразит его наповал...

Постарался, как мог, исправить свое упущение:

– Мы немедленно приступим к возведению нового дворца. А пока построим дома для ваших придворных.

– Немедля – это когда? – уточнила Люсия холодным тоном, глядя на него в упор невероятным взглядом, от которого у него екало что-то внутри.

– Сразу после свадьбы, – пообещал король с твердостью, которую отнюдь не ощущал. Казна была совершенно пуста. Он припомнил несколько опрометчивых трат вроде бриллиантового ожерелья для Олии, стоившего столько же, сколько и весь его дворец, и пожалел о своей неразумности.

– Хорошо, мой король, – это прозвучало у принцессы с изрядной долей насмешливости, и он вопросительно посмотрел на нее, не понимая, чего она желает.

Она с намеком повела взглядом вокруг, потом указала на свое платье. Поскольку, ничего не поняв, мужчина все так же стоял столбом, мечтательно глядя на нее, Люсия была вынуждена попросить:

– Извините, мой король, но мне нужно передохнуть.

Ульрих не хотел ее покидать. Странное чувство утраты предостерегало его остаться, но под ее требовательным взглядом он был вынужден поклониться и уйти.

Одна из немолодых служанок в сером платье с длинным плотным передником подошла к принцессе и участливо спросила:

– Вы угнетены, дитя мое?

– Конечно, нянюшка, – принцесса распустила завязку дорожного плаща, и он упал на руки подоспевшей служанке. – Здесь гораздо хуже, чем я предполагала. Но делать нечего, возвращение невозможно. Будем здесь жить.

– Король вам не понравился? – спросила няня, опасливо понизив голос.

– Кому он вообще может нравиться? – Лусии захотелось закричать от негодования, и она болезненно вонзила ногти в ладонь, возвращая самообладание. – Он нас даже встречать не собирался, игнорируя учтивость и традиции. Даже умыться не соизволил, вышел в грязных штанах и нечищенных сапогах. Потом и постельными утехами от него разит, как от козла. И нечесанные патлы торчат в разные стороны. И это король?! Отвратительная мерзость! Мой отец и брат никогда не позволяли себе ничего подобного!

– Это в Ульрихе не самое страшное, – няня подошла поближе и привстала на носки, стараясь говорить как можно тише. – Он еще и любвеобилен. Если у него и впрямь столько любовниц, как говорят, то вам здесь придется тяжело.

Лусия пренебрежительно махнула рукой.

– Няня, меня это вовсе не волнует. Чем больше у него любовниц, тем меньше он будет приставать ко мне. Пусть хоть гарем заведет, как восточный владыка, мне все равно. Он невозможно противный. – Со вздохом призналась: – И вообще, я устала, дорога была долгой и тяжелой.

Она подошла к разобранной низкой кровати, осторожно нажала на матрас крепко сжатым кулачком.

– Здесь так твердо! Из чего этот матрас? – она приподняла грубую домотканую простынь, пощупала ложе и пораженно вскрикнула: – Няня, это простая овечья шерсть! К тому же скатавшаяся в твердые комки! – принцесса не могла поверить собственным ощущениям. – Спать здесь то же, что лежать на земле на острых камнях. И это королевский дворец!? Как же тогда в Северстане живут простые люди?

– Пока отдохните так, золотко, – услужливо захлопотала няня. – Надеюсь, здесь нет блох? К вечеру мы разберем обоз, достанем ваши вещи и сделаем все так, как должно.

Смирившаяся с неудобствами Лусия поблагодарила слуг за заботу и как подкошенная упала в постель, не обращая внимания ни на ее жесткость, ни на скатавшуюся в комки шерсть. Служанки вышли из спальни в соседнюю комнату, притворили дверь и принялись потихоньку обмениваться первыми, весьма нелестными впечатлениями от Северстана.

Измученная долгой и трудной дорогой принцесса лежала, закрыв глаза, и припоминала все, что было. Зря отец выбрал для нее эту далекую страну. Она не понравилась ей с самого начала, как только они выбрались из тоннеля. Убогие селения, смрадные от человеческих испражнений города, в которых невозможно жить, народ, одетый в жалкое тряпье.

И этот ужасный король, больше похожий на деревенского вахлака, с целым сонмом любовниц! Нет, она понимала отца и не осуждала его – Северстан находился на полуострове в окружении непроходимых для судов опасных рифов, отделенный от материка грядой непроходимых гор. Попастъ сюда можно было только по проложенному под горами тоннелю, по которому они ехали несколько дней, поэтому королевство было самым безопасным местом во всем известном ей мире.

А как трудна и опасна была дорога сюда! У нее сердце замирало, когда они ехали по проложенной на болоте гати из толстенных бревен, которые так проседали под тяжестью кареты, что она предпочла идти пешком, впрочем, как и все остальные придворные и слуги, оставившие свои экипажи и повозки.

Потом бесконечный, страшный туннель без единого лучика солнца, где царил вечный холод, и от любого шороха раздавалось долгое зловещее эхо, угрожая камнепадом. Хотя от страха у нее подгибались колени, она не жаловалась, ведь на нее смотрели ее люди. Она просто не могла позволить себе быть слабой.

Как жаль, что Феррео не смог приехать с ней! Присутствие старшего брата давало бы надежду избежать этой отвратительной свадьбы. Феррео решительный и смелый. Он наверняка бы сказал Ульриху, что его сестре не место в этом жалком королевстве, и увез бы ее обратно.

Но перед ее выездом в Северстан на Терминус снова напали имгардцы, и это был не простой набег. Феррео с войском пришлось ехать не с ней, а отправиться в противоположную сторону к южным границам, чтоб отразить очередную напасть. И вот она здесь одна, без защиты и опоры.

Сжав камень, висевший под одеждой на груди, с робкой надеждой прошептала, что отец знал, что делал, разбивая магический камень на три части. И что отправленный с ней второй по величине камень, названный «Секундо», сможет ее защитить.

Прильнувший ухом к двери между спальнями король Северстана растерянно повторил подслушанные им весьма нелестные слова невесты:

– Много любовниц – это хорошо? Разит, как от козла? Нечесанные патлы? – он всегда считал, что достаточно хорош для любой женщины, и подобный отзыв о своей персоне ему слышать было дико.

Боясь призвать слугу привычным криком, осторожно выглянул в коридор, стараясь, чтоб его не заметили. Неподалеку возле покоев принцессы с алебардами наизготовку стояли ее стражники в полном боевом облачении, будто собравшись на войну.

Король недобро хмыкнул. Теперь ему к собственной невесте без доклада не войти. Гордые традиции королевского рода Терминуса сильно отличались от привычных ему простых нравов Северстана. Хотя, имея такую красавицу дочь, он тоже поостерегся бы злых людей и принял все меры к ее охране.

При мысли о возможной дочери низ живота скрутило узлом, и он чуть было не застонал вслух. Ульрих не привык отказывать себе в удовольствиях, и воздержание ему пришлось не по нраву.

Чтоб скинуть тягостное напряжение, решил навестить одну из любовниц, лучше даже всегда готовую к соитию Олию, но перед глазами возникло укоризненное на него смотревшее прекрасное лицо невесты, и он тут же отказался от столь заманчивой мысли. Не хватало еще поссориться с Лусией до свадьбы.

С нее станется ответить ему «нет» перед алтарем. А это будет не просто позор, это будет крушение всех его надежд. И пусть эти надежды обретены совсем недавно, они ему слишком дороги, чтоб от них отказаться.

Не зная, где найти слугу, Ульрих негромко посвистел, вызывая его. На этот необычный звук к нему повернулись все, кто в этот момент был в коридоре. Король непривычно смутился – уж слишком неодобрительными были обращенные к нему холодные взоры приехавших с принцессой придворных.

Мимо проходил один из кухонных поварят, и король приказал ему позвать своего личного слугу. Через несколько минут тот прибежал, оправдываясь, что не слышал зова своего господина.

Ульрих обкатился холодной водой из ведра с помощью слуги, пораженного столь непривычным поведением обычно не замораживающегося излишней чистотой короля. Оставив на полу огромные лужи, поскольку оловянный таз, в котором он стоял, был слишком мал для подобных омовений, Ульрих велел себя причесать.

Длинные спутанные патлы поддавались грубому деревянному гребню с трудом, и он шипел сквозь зубы, терпя непривычную боль. Переодевшись в чистую одежду, быстро прошел в комнаты матери.

Вдовствующая королева приняла его в своей гостиной. У нее, как и у принцессы, покои состояли из спальни, комнатки для доверенных слуг и гостиной. Мебель для них была изготовлена из обычной сосны, довольно удобная, но, по меркам гордых терминцев, слишком примитивная для королевского дворца.

Ульрих с досадой посмотрел вокруг.

– Нам придется строить новый дворец. Принцесса привезла с собой прорву дармоедов, – без предисловий начал он.

– Я о строительстве королевского дворца говорила еще вашему отцу после нашей свадьбы, сын мой. Но ему было не до новых построек. Его больше волновали собственные утехы, чем государственные дела, – королева не скрывала упрека, намекая, что и сын пошел по стопам отца.

– Похоже, пришла пора исправлять сделанные ошибки, – король тяжело бухнулся в жалобно скрипнувшее под его весом кресло и прямо спросил мать: – Вы не собираетесь покидать дворец?

Королева побледнела от огорчения, но ответила с гордо вскинутой головой:

– Традиция предписывает вдовствующим королевам уходить в монастырь, чтоб не мешать новой королеве. Так сделала и моя свекровь, хотя я вовсе не возражала против ее присутствия во дворце. Но, если твоя супруга не будет против, мне бы хотелось остаться здесь. Посмотреть на ваших детей и хоть немного порадоваться в этой жизни.

На ее глазах внезапно сверкнули слезы, и король смутился. Мать никогда не позволяла себе недостойной слабости, считая это непозволительным для особы королевской крови, и он полностью такое поведение одобрял. Не хватало еще здесь нюни разводить!

С силой сжав руки, королева остановила готовые пролиться слезы. Ульрих сделал вид, что ничего не заметил.

Прерывая разговор, в комнату, не испросив позволения, развязно вошел мажордом в длинном черном кафтане с массивной золотой цепью на шее.

– Когда подавать ужин, моя королева? – спросил он у нее таким тоном, будто главным во дворце был он.

Королева чуть склонила голову, скептически оглядывая непочтительного слугу. Задумчиво проговорила, будто говоря сама с собой:

– После свадьбы здесь многое поменяется. – После этих слов король, будто впервые увидев нагловатого мажордома, смерил того неприязненным взглядом. Королева же уверенно продолжила, твердо глядя в лицо слуги: – И я не думаю, что вы сможете удержаться на этом месте. Новая королева наверняка назначит на это место кого-нибудь из своих слуг, более почтительного и вышколенного.

Только теперь осознав, насколько неподобающе себя ведет, мажордом отвесил торопливый поклон и заискивающе спросил у короля:

– Но вы ведь не позволите чужеземке менять здесь все так, как ей хочется? – что этого никогда не будет, он был совершенно уверен. Его покровительница Олия этого не допустит. И неосмотрительно добавил: – Ваша любимая конкубина наверняка будет против.

Король молчал, не зная, что на это ответить, а вдовствующая королева отвернулась, чтоб сын не заметил ее печальной усмешки. После объявления Олии главной конкубиной королева лишь считалась королевой. Настоящей хозяйкой во дворце была наложница, которой Ульрих, по ее мнению, позволял слишком многое.

Королева подозревала, что сына опоили приворотным зельем, но он об этом и слышать не хотел. Что будет теперь? Будет ли принцесса Терминуса бороться за свое королевское достоинство или тихо отойдет в сторону, как это сделала в свое время она сама? И станет только средством для рождения законных наследников?

Она всю жизнь чувствовала себя племенной кобылой, которую законный супруг посещал только для того, чтоб сделать очередного ребенка. И случалось это не чаще раза в год. Все остальное время он развлекался со своими любовницами.

– Ты пришел сюда доложить, что ужин подан? – королева насмешливо потянула носом, намекая на ароматы, витающие в воздухе.

Мажордом несколько смутился. Олия уже давно приказала подавать на стол, не дожидаясь, когда выпитая эта иноземная неженка, и его приход сюда был чистой формальностью, как обычно.

– Хорошо, мы идем. А ты сообщи об этом нашей венценосной гостье, – распорядилась королева, поднимаясь с кресла.

Король тоже встал, подал матери руку, и они в полном согласии, чинно, не спеша, направились вдвоем по извилистому коридору в трапезную, как не ходили уже давным-давно. Обычно король в награду за жаркую ночь оказывал подобную честь одной из своих наложниц, но весь последний год это была Олия.

За высокими узкими окнами замка чернела непроглядная ночь. Полутемный зал, служивший трапезной королям Северстана не один век, освещался чадящими факелами, воткнутыми в железные шандалы на стенах. Возле расставленных у дальней стены длинных, покрытых желтоватыми льняными скатертями столов, не садясь, стояли придворные принцессы, терпеливо ожидая ее саму.

Через несколько минут Лусия, свежая и отдохнувшая, спустилась к столу в красивом шелковом платье, чуть-чуть приоткрывающем белую грудь. Придворные обрадованно зашумели и принялись ей низко кланяться. Приветливо улыбаясь, Лусия подошла к центральному столу, предназначенному для короля, и остановилась в недоумении.

На хозяйском месте во главе стола сидела разряженная особа с наведенным румянцем на сильно набеленном лице, в ярком красном платье из грубоватой шерсти, с огромным декольте, из которого чуть было не вываливались коровьи груди, и с вызовом смотрела на приближающуюся принцессу.

Лусия с трудом сдержала нервный смех. Так вот та самая фаворитка, которой она должна опасаться! Глупая ряженая кукла. Понятно, без приворота здесь не обошлось. В ее родном королевстве за такие штучки безжалостно рубили головы знати и жгли на кострах простолюдинов, но здесь, как видно, это было в порядке вещей.

– Вы, сударыня, хозяйка этого замка? – спокойно, с изрядной долей насмешливости, спросила она у высокомерно задравшей подбородок особы, не удосужившейся подняться при ее появлении.

– Да! – не ведая, что король изменил свои намерения, грубо отрезала та, приготовившись указать ненужной невесте ее место, как и велел ей король.

– Тогда не смею вам мешать, – с лукавой любезностью вымолвила Лусия и ушла за выделенный ее свите отдельный стол.

Разница была видна сразу – на нем красовалась дорогая серебряная посуда с королевскими гербами Терминуса, тогда как на столах Северстана стояла обычная керамика из неровно обожженной глины, место которой, по мнению гостей, было только в крестьянских халупах. Да и терминцы были одеты гораздо лучше северстанцев, в своих коричневых грубых кафтанах, более похожих на зажиточных простолюдинов, каким-то чудом попавших в королевский дворец.

Принцесса устроилась во главе своего стола. Сидевшая по правую руку герцогиня Ланкарийская четко произнесла:

– Стоит ли нам оставаться в столь негостеприимном месте, моя принцесса? Не лучше ли вернуться в Терминус? – ее высокий голос разносился по всей трапезной. Слышавшая это довольная собой Олия широко улыбалась. – В конце концов, король Северстана не единственный жених на белом свете. Есть и другие, более достойные.

В этот момент в трапезную вошел король с вдовствующей королевой. Услышав эти слова, замер на полпути, кинул взгляд на свой стол и враз все понял.

Принцесса приветственно поднялась, вслед за ней встала вся ее свита. Не глядя на Ульриха, принцесса сделала приличествующий этикету реверанс. Король ответил ей почтитель-

ным поклоном и с искаженным яростью лицом направился к довольно улыбающейся ему фаворитке.

Выдернул ее из-за стола и прошипел:

– Что ты тут делаешь?

Подняв к нему умильное личико, та, не таясь, громко пояснила на весь зал:

– Выполняю ваше приказание, мой повелитель. Вы велели мне сидеть на месте хозяйки, чтобы ваша чужеземная невеста, – это слово было произнесено с высокомерным презрением, – сразу знала свое место племенной кобылы!

Свита принцессы возмущенно зароптала.

– Мы немедленно возвращаемся, моя принцесса! – не сдержался сенешаль принцессы. – Такое отношение прощать нельзя!

Лусия медленно поднялась, с негодованием глядя на жениха невероятно синими глазами. Ульрих впервые в жизни испугался. Колени мелко задрожали, по спине поползли липкие струйки пота. Он схватил наложницу за распущенные волосы, швырнул на пол, вытащил из ножен кинжал и занес руку для смертельного удара. По лезвию угрожающе пробежала зеленоватая искра.

Олия испуганно завизжала, пытаясь отползти, но, запутавшись в длинном подоле, только извивалась, как змея.

– Остановитесь, ваше величество! – прозвучал гневный голос принцессы.

Король вздрогнул и опустил занесенную для удара руку.

– В чем вы обвиняете свою фаворитку? В том, что она в точности исполнила ваше повеление? – Лусия смирila его гневным взглядом. – Признайтесь, вы сразу хотели поставить меня ниже любой из ваших жалких любовниц! Вот только то, что после этого я немедленно уеду, в вашу голову, видимо, не приходило! Или вы также не хотите этого брака, как не хочу его я?

Все в трапезной замерли. Свита короля, знавшая его как вспыльчивого и беспощадного задиру, ожидала жуткого скандала. Кавалеры из свиты принцессы вмиг построились перед ее столом, образовав живой щит и положив руки на кинжалы, готовясь в любой момент дать отпор.

Но король поразил всех. Бросив угрожающий взгляд на сжавшуюся в ничтожный комочек конкубину и отдав кинжал своему хёвтингу, он безоружным прошел через живую цепь вооруженных мужчин к вытянувшейся как струна принцессе и внезапно опустился перед ней на одно колено.

Склонив голову, с трудом проговорил:

– Прошу меня простить, моя королева. Я был непростительно глуп. Больше такого не будет.

По помещению пронесся пораженный вздох. Вдовствующая королева прижала руки к груди и округлившимися от изумления глазами смотрела на невероятную картину. Ее старший высокомерный сын просит прощения на коленях! Она и не предполагала, что когда-либо доживет до подобного чуда!

– Поднимитесь, ваше величество. Я вас прощаю, – через силу выговорила Лусия, стараясь не расплакаться от обиды. – Когда вы приказывали вашей любовнице унижить меня, вы были со мной еще незнакомы.

– Тогда вы окажете мне честь и сядете рядом со мной за один стол? – Ульрих умоляюще посмотрел на нее, не зная, чем ее улестить.

Принцесса отрицательно покачала головой.

– Пока я только ваша невеста, – горечь была тщательно спрятана, но друзья принцессы слышали ее, – и не имею права сидеть во главе королевского стола. Это место по праву должна занимать ваша матушка.

У короля отлегло от сердца. Он не знал, что стал бы делать, если б она не простила его и решила уехать. Не отпустил бы точно, но сколько крови при этом пришлось бы пролить? После этого принцесса наверняка отвернулась бы от него, вряд ли она бы молча снесла смерть своих людей.

Ссориться с ней Ульрих не хотел. Одна только мысль о том, что такая красота может принадлежать другому, отравляла его душу смертельным ядом. Он сделает все, чтоб она была его и только его!

Благодарно поцеловав безвольную руку принцессы, король вернулся к главному столу. Олия на коленях уползла за дверь, скрываясь от королевского гнева. Ульрих кивком головы подозвал к себе своего хёвдинга, забрал у него кинжал, рывком отправил его в ножны и чуть слышно приказал:

– Убрать из дворца эту дуру и всех моих бывших любовниц. Немедленно!

Тот понимающе склонил голову и поспешно вышел.

Вдовствующая королева с достоинством заняла приличествующее ей место. Как давно она не сидела во главе стола! После смерти короля, ее законного супруга, сын предпочитал видеть на этом месте своих любовниц, а не мать. Старый король тоже имел немало конкубин, но законную супругу подобным пренебрежением не оскорблял.

Королева приказала подавать на столы, с признательностью взглянув на будущую невестку. Та, слегка наклонив голову, молча слушала герцогиню, что-то гневно ей выговаривавшую, и на королевский стол не смотрела. Королева перевела взгляд на сына, не отрывающего восторженного взгляда от невесты, и возрадовалась, даже не пытаясь скрыть злорадный блеск глаз.

Наконец-то ее старший сын, наследник рода, влюбился! И это была не примитивная похоть, которой он частенько страдал, это была истинная любовь! Теперь она будет отомщена, потому что сидевшая напротив гордая красавица никогда не ответит ему взаимностью. А она с удовольствием будет наблюдать, как ее отпрыск, относившийся к женщинам с безобразным пренебрежением, будет вымаливать жалкие крохи ее внимания.

Младшие принцы, сидевшие за одним столом с королем, с интересом поглядывали на прекрасную принцессу. Но, заметив полный яростной ревности взгляд короля, мгновенно переключились на ее хорошеньких подруг.

Вдовствующая королева поняла, что в скором времени грядет еще несколько свадеб. Что ж, она этому только рада. Строгие невестки сумеют заставить своих мужей отвернуться от разгульной жизни, которую те считали естественной для людей их происхождения.

Подали первую перемену блюд. Потом вторую. В заключение принесли серебряные кубки с пенящимся напитком. Король провозгласил:

– За мою прекрасную невесту, будущую королеву Северстана! – и махом осушил свой кубок.

Принцесса благодарно кивнула и поднесла к губам напиток.

Незаметная старуха в сером платье, прячущаяся возле дверей за спинами подавальщиков, зловеще усмехнулась, потирая руки. Сейчас все будет кончено! И ее Олия снова станет любимой конкубиной короля, а она ее главной советчицей. И неизвестно еще, кто из них будет править страной.

Но принцесса пить не стала. Несколько мгновений она напряженно вглядывалась в напиток, потом подняла синий взгляд и пристально оглядела слуг короля.

– Кто подал мне отраву? – ее голос был холоден и строг.

В трапезной вмиг воцарилось напряженное молчание. Король медленно поднялся, сжимая в руке кинжал и угрожающе сдвинув брови. Слуги враз опустили на колени, в ужасе ожидая расправы. В гневе король казнил всех подряд, не утруждаясь поисками виновных.

Принцесса властно повторила, подняв левую руку и сжав ею овальный медальон на груди:

– Тот, кто приготовил отраву, и тот, кто подал мне ее, пусть немедленно встанет передо мной!

От принцессы по сторонам разошлись волны непреодолимой воли. Испуганная колдунья хотела было скрыться, но ноги независимо от желания хозяйки сами понесли ее к столу принцессы. Рядом с ней оказалось еще трое ее сообщников.

Король схватил кинжал и кинулся к ним. Но Лусия остановила его властным жестом, и он, к своему изумлению, ей повиновался. Глядя на отравителей, принцесса спросила:

– Вы сторонники фаворитки короля, только что выгнанной отсюда? Не так ли? И опаивали его приворотным зельем постоянно, чтоб он больше ни на кого не смотрел?

Все повинно повесили головы. От амулета на груди принцессы исходило ослепительное сияние, лишаящее воли, и старуха с ужасом поняла, что скоро умрет. Напрасно она считала принцессу беззащитной против своих чар! Олия была права – ее защищает тот, кто намного сильнее любой колдуньи в этой стране!

После слов принцессы Ульрих вмиг понял, почему за весь последний год после назначения Олии главной конкубиной его не тянуло больше ни к одной из женщин.

– Я убью их сам! – взревел он и замахнулся кинжалом.

Но принцесса твердо посмотрела на короля, безмолвно запретив вмешиваться, и он замер на месте.

Лусия поднесла кубок старухе и приказала:

– Ты приготовила это для меня. Так выпей же отраву сама! Но не всю. Оставь для своих поделльников.

У колдуньи остекленели глаза. Непослушными руками она приняла кубок и, давась от ужаса, сделала несколько глотков. Потом передала его стоящему рядом на коленях подавальщику. Тот тоже был вынужден сделать несколько глотков и передать кубок следующему. Но когда кубок взял последний, Лусия забрала его у него и сказала:

– Ты можешь не пить. Ты не знал, что творишь. Уходи.

Слуга поднялся, с благоговением отвесил низкий поклон и поспешно сбежал. Остальные выпившие отраву бились на полу в смертных конвульсиях, раздирая на груди кожу ногтями и хрипя.

Король пораженно смотрел на принцессу. Она читает мысли других людей, и ей все повинуются? Выполнил же он ее негласный приказ не вмешиваться. Ульрих слышал о тайных знаниях, присущих правителям Терминуса, но не верил в них, считая досужими байками.

Но байки оказались страшной правдой. Душа наполнилась ужасом и возмущением. Она сможет так же распоряжаться и им самим, как сделала это с отравителями, и он не сможет ей противиться!

Но ведь он король! Он не может этого позволить!

Что ему сейчас делать? Возмутиться? Но тогда принцесса будет потеряна для него навсегда, ведь она судила отравителей и судила по чести. Нет, он не допустит размолвки. Лусия будет его женой, несмотря ни на что!

Его люди настороженно ждали его решения, не понимая, что могут противопоставить той, которой подчиняются даже колдуньи.

Ульрих представил прекрасное обнаженное тело принцессы в своей постели и решился.

– Я восхищаюсь вами, моя любовь, – произнес он с низким поклоном. – Из вас получится прекрасная королева. И не только лицом, но и твердостью, и умом.

Окружающие принцессу мужчины с облегчением выдохнули. Опустились лежащие на рукоятках кинжалов руки, распрямились напряженные плечи. Но король не был бы королем, если бы не извлек выгоду из неприятной ситуации. Повернувшись к своим подданным, он громко провозгласил:

– Чтоб у моих людей впредь не возникло даже мысли нанести какой-либо вред моей избраннице, – тут Люсия с иронией посмотрела на него, ведь их союз был союзом двух государств, а не двух сердец, – свадьба будет завтра! И горе тому, кто еще раз покусится на мою королеву! – Пнув один из застывших перед ним трупов, он приказал: – Унести и бросить на растерзание дворовым собакам! И добавить к ним Олию, подававшую мне приворотное зелье! Пусть ее живьем сожрут голодные псы!

Принцессе была не по душе подобная жестокость, но она промолчала. Нельзя мешать королю вершить правосудие, пусть даже такое дикое, как в этой варварской стране. Сегодня ей впервые в жизни пришлось судить покусившихся на ее жизнь, но, похоже, не в последний. И не ей порицать короля.

На следующий день перед жертвенным алтарем королевского храма король Северстана и принцесса Терминуса принесли друг другу брачные клятвы.

Отпустив советников после изматывающего совещания, посвященного делам Северстана, ее величество королева Лусия наконец-то осталась одна. Подошла к высокому стрельчатому окну, отодвинула тяжелую бархатную штору, окинула окрестности удовлетворенным взглядом и решила, что недаром прожила в Северстане всю свою долгую жизнь.

Построенный ее зодчими королевский дворец возвышался посреди столицы как сверкающая скала: величественный, неприступный и горделивый. Теперь столица огромной холодной страны напоминала ей родной город, оставшийся в воспоминаниях. Благодаря ее неустанным трудам Тринали превратилась в настоящую столицу, подобную Купитусу в ее родном Терминусе.

Дикие законы этой холодной страны она изменила на справедливые, отменила непосильные подати для крестьян, ввела разумные налоги для купечества, построила города, при ней простые люди стали жить куда лучше, чем прежде. В последний раз проезжая по стране, она уже не видела той ужасной нищеты, что поразила ее при приезде.

Она сделала все, что должна была сделать, будучи правительницей этой некогда отсталой страны. Народ Северстана платил ей искренней благодарностью. Но все же эта холодная страна и суровый народ не стали ей родными.

Королева старалась не вспоминать о далекой родине, чтобы не рвать и без того измученное сердце, и в наполненные беспрестанными трудами дни ей это удавалось. Но сны ей не подчинялись. Как часто она видела светлые леса Терминуса, его душистые цветы и того, кто ушел в роковой поход с Феррео и не вернулся обратно.

Отойдя от окна, Лусия устало прикрыла глаза. Она сделала для страны своего супруга все, что могла, и может позволить себе отдохнуть. Ее время пришло. Собственноручно, не зовя секретаря, достала из секретера перо, чернильницу, чистый лист с королевским гербом. Положила все это на стол драгоценного красного дерева, привезенного из Терминуса, и твердой рукой написала посередине листа «Королевский вердикт». Указ, который мог отменить другой король, в данном случае не годился, ведь она собиралась начертать то, что навсегда изменит жизнь королевской династии.

Собираясь с мыслями, чуть помедлила. Вновь обмакнула перо в чернильницу, четким почерком продолжила:

«Я, королева Северстана Лусия, повелеваю: если среди моих потомков окажется мужчина или женщина с синими глазами, неважно, какими бы дальними родственниками они не приходились правящей династии, по их требованию выдать им амулет из моей шкатулки с драгоценным камнем под именем «Секундо». Если камень на их груди загорится синим светом, то этот мужчина или эта женщина объявляются владельцами Северстана и получают королевский престол со всеми обязанностями и почестями. Если же таких потомков не окажется, то

наследование королевского престола переходит от старшего в роду к старшему в роду в соответствии с местными законами».

Сейчас, согласно этому указу, трон Северстана наследует единственный сын ее старшего сына.

Королева подписала указ, отложила его в сторону, взяла в руку медальон с осколком могущественного камня, висевший на ее груди, и вздохнула. Благодаря этому мощному амулету она прожила долгую, очень долгую жизнь. Ее муж умер несколько десятилетий назад глубоким стариком, а она живет до сих пор.

Она со снисходительной признательностью вспомнила об Ульрихе. Он отчаянно любил ее до последнего своего вдоха. Но была ли то искренняя любовь или всего лишь внушение колдовского камня, она не знала. Да и не хотела знать. Она никогда не любила Ульриха, позволяя ему любить себя.

Среди ее детей не было ни одного похожего на нее, кровь королей Северстана оказалась сильнее. И среди детей ее детей тоже никто не взглянул на нее синими глазами. И ни один из ее правнуков не родился с синими глазами. И никого из них не принял Секундо, оставаясь в их руках мертвым безжизненным осколком.

Но этого допустить она не может. Камень должен найти своего господина, чтоб с его помощью королевская власть крепла, принося благоденствие в страну, поэтому она и написала этот странный и непонятный для многих вердикт.

Сейчас Северстан процветает благодаря ее неустанным трудам, но она устала. Устала жить. Значит, пора уйти, скинуть с себя тяжкое бремя.

Сняв с шеи медальон, королева вынула из него сверкающий синий камешек, запаянный в серебряную скань и висевший на тоненькой серебряной цепочке замысловатого плетения. Его можно было носить и без медальона, но она не хотела показывать магический осколок всем подряд.

Убрала камень в зачарованную шкатулку, закрыла ее, запечатав своей кровью, и поставила на стол рядом с указом. Теперь эту шкатулку сможет открыть только тот, у кого в жилах течет истинная королевская кровь. Она надеялась, что новый владелец будет достаточно силен духом, чтоб подчинить себе Секундо.

Погладив тонкую резьбу шкатулки изящными пальцами, печально вздохнула. Все-таки отец напрасно разбил чародейский камень из своей короны. Да, с помощью Секундо она стала настоящей правительницей Северстана, но оставшиеся у отца осколки не спасли королевскую династию Терминуса.

Ее брат, наследный принц Феррео, отбил натиск захватчиков на южных рубежах страны, но, возвращаясь из тяжелого похода, был смертельно ранен в засаде, хотя при нем был Тетриус, меньший из осколков колдовского камня. Король после этого прожил недолго, не сумев пережить гибель единственного сына и наследника.

Лусия могла бы отправить кого-то из своих сыновей править Терминусом по праву крови, но не стала этого делать. Отец писал ей, что возложил умирающего сына на королевский трон, и тот забрал его.

В королевском роду Терминуса о старинном троне из поколения в поколение передавалось множество преданий и легенд. И одна из них – та, что трон может излечивать от смертельных ран, но переносит при этом пострадавшего неизвестно куда.

Королева верила в это сказание. Верила, что ее брат когда-нибудь возникнет из небытия и по праву наследника займет подобающий ему королевский престол. А раз так, ни к чему возводить на трон родной страны чужестранца. А ее дети и внуки для ее Терминуса, по сути, чужаки, даже ее родным языком среди них никто овладеть не смог, и она сомневалась, примет ли их магический трон.

На престол Терминуса должен взойти истинный король.

Запечатав вердикт королевской печатью, медленно, уже ощущая груз прожитых лет, поднялась и прошла по кабинету, прощаясь с тем, что было ей дорого. Ласково провела рукой по раме своего портрета, написанного несколько лет назад талантливым придворным художником.

Благодаря амулету Лусия была так же красива, как в далекой молодости, только глаза немного потускнели от слишком долгой и утомительной жизни, и эту колдовскую красоту и напряжение неустанного труда сумел передать живописец. Этот портрет нравился ей больше остальных – на нем она была сама собой, без того вычурного глянца, что присутствовал на других ее портретах.

Затем, опустившись в кресло, королева расправила складки синего шелкового платья, безмятежно сложила руки на коленях, откинула голову на высокую спинку и впервые за долгие-долгие годы разрешила себе вспомнить весенний парк своего родного дворца в Купитусе.

Цветущие деревья, аромат первоцветов, и тот, чьи восхищенные взгляды трепетно ловила. И их единственный короткий разговор перед его отъездом в роковой поход. И трепетное признание в любви, живущее в ее сердце до сих пор. И его горячие твердые губы, целующие на прощанье ее дрожащую руку.

Может быть, любовь сильнее смерти? Возможно, там, в небесных кругах, она встретит того, кто был дорог ей всю ее деятельную, но несчастливую жизнь?

По ее щеке медленно, высыхая на истончившейся коже, покатилась прозрачная слеза, оставляя за собой едва видимую белесую полоску.

Королева Северстана закрыла глаза и уснула. Навсегда.

Глава первая

Малый королевский кабинет заливал бодрящий утренний свет. Восходящее солнце едва оторвалось от горизонта, его лучи, еще не утратившие розоватого оттенка, придавали кабинету небрежный вид дамского будуара. Дорогая полированная мебель, привезенная во дворец из Терминуса несколько столетий назад, под этими беззаботными лучами искрилась, как позолоченная.

Не замечая утренней беззаботности, король Северстана, заложив руки за спину, хмуро разглядывал портрет прапрабабки. Впрочем, их разделяло гораздо большее число поколений, но не в этом суть. Королева Лусия была запечатлена на полотне неизвестного художника невероятно молодой, хотя, если верить дате, стоящей внизу, она давно перешагнула столетний рубеж.

Тонкая рука красавицы лежала на груди, указательный палец касался медальона, подчеркивая его важность, нарисованные глаза горели невероятным синим огнем. Казалось, она заглядывает прямо в душу, прожигая насквозь слои прошедших веков.

Торрен, старший сын и наследник Лерана Двенадцатого, стоял подле отца и нетерпеливо похлопывал по голенищу сапога сложенным в несколько раз длинным арапником. Принц торопился на охоту, и внезапный вызов отца вынудил его спуститься с лошади.

Король с негодованием, как от живого человека, отвернулся от портрета, прошел к креслу и сел, жестом приказав своему собеседнику располагаться напротив.

– Что случилось, ваше величество? – Торрен бросил на пол у входа арапник, устроился в указанном королем кресле и звонко побарабанил длинными сильными пальцами по деревянному подлокотнику, подчеркивая свое недовольство. – Моя свита ждет меня верхом.

– Пусть ждет. – Король не считал охоту важным занятием. – От них не убудет. Бездельники все до единого. Глаз остановить не на ком.

Леран опустил взгляд, размышляя, для чего его сыну подобные спутники. Торрен был отнюдь не дурак. Если уж он сумел избежать гибели после целой череды покушений на свою жизнь, то понятно, что он умен и осторожен. И пусть принц после внезапной смерти своей матери жил не в королевском дворце, а в родовом замке своего дядьки, герцога Мальорского, и под его охраной, это не умаляет его достоинств.

Король знал о покушениях, устраиваемых старшему сыну и наследнику его второй женой после рождения собственного ребенка, но не препятствовал им. Младшего сына он любил куда больше, чем старшего. И предпочел бы видеть на престоле Северстана принца Остора, нежели Торрена.

Но пока жив его старший сын, младший так и останется всего лишь принцем. Лучшим исходом была бы преждевременная смерть наследника, но Торрен ловко избегал всех подстроженных ему ловушек.

Король поднял обвиняющий взгляд на портрет королевы и невольно вздрогнул от угрожающе смотревших на него синих глаз. Решив, что так ярко они сверкают от попавшего на картину луча солнца, отвернулся и перешел к делу:

– У нас крупные неприятности, Торрен.

Принц слегка напрягся, и, тняя время, принялся очищать от несуществующей пыли рукава охотничьего кафтана цвета коры молодой осины. Неприятности? Какого рода? Неужели отец узнал о беременности элдормессы Соллени? Но ведь она пообещала вытравить плод. Неужели обманула?

Ей же хуже – в Северстане от королевских бастардов избавлялись решительно и быстро. Один хороший удар в живот – и ненужного плода нет. Но при этом, бывало, гибла и сама женщина. Этого он не хотел, поэтому надеялся на ее благоразумие.

Торрен приготовился выслушать от отца нотацию в пренебрежении королевской кровью, но услышал другое:

– Мне доложили, что в Авернбурге видели девушку с такими же синими глазами. – И король указал на портрет прапрабабки.

Принц распрямил плечи и с облегчением выдохнул:

– Отец, вы придаете слишком большое значение сплетням. Голубоглазых девушек в нашей стране полно. И если кому-то их глаза кажутся синими...

Король рывком поднялся с кресла и несколько раз прошелся по комнате. Обтягивающая плотное тело темно-малиновая туника до колен при движении вспыхивала мелкими искорками.

– Донесение эмиссара тайного королевского сыска Авенбурга противоречиво, допускаю. Но такого не бывало уже сто лет! Это важно! Чрезвычайно важно! Нужно немедленно поехать туда и все проверить лично. Если это так, синеглазку необходимо немедленно найти и обезвредить!

Торрену показалась чрезмерной обеспокоенность отца.

– Мой король, какие бы у нее глаза не были, она не может иметь к королевскому роду никакого отношения. Бастарды в королевском роду запрещены вот уже четыре сотни лет, а королевские отпрыски все наперечет. Почему вы так беспокоитесь?

Угрюмо помолчав, король решил посвятить наследника в тайны королевской семьи:

– Не все так просто, Торрен. Две сотни лет назад была похищена королева Аласта, обладающая столь редкими в нашем роду синими глазами. Возможно, она была беременна при похищении, возможно, позже вышла замуж и родила. Если у нее остались потомки, то, как опасно их появление для нашей нынешней власти, а точнее королевской семьи, ты понимаешь и сам.

Принц недоверчиво прищурился. Других признаков неверия он себе не позволил, хотя ему и хотелось сказать, что это бред.

– Как такое могло произойти? Королев охраняют, как самое большое достояние семьи. Для похищения королевы нужен самый настоящий заговор внутри королевской семьи, а это уже карается смертью. И исключений нет.

Король кивнул и, поднявшись, жестом позвал сына за собой.

– Ты в точности повторил мои слова, сказанные мной моему отцу. В ответ он дал мне старинный манускрипт. Там эта история описана подробно, в стихах. Писал, видимо, кто-то из тех, кто был тайно влюблен в королеву, она описана там, как невероятная красавица. И слог такой восторженный... – он брезгливо поморщился.

– Сочинитель не мог похитить ее сам? – принц сразу почуял интригу.

Леран сморщил лоб.

– Этого никто не знает, слишком темная история. До нашего времени дошло очень мало достоверных сведений. В то время королевством правил Леран Восьмой. После похищения он искал супругу долго и тщательно, но напрасно. Больше он так и не женился. Новый брак вряд ли был бы одобрен знатно, ведь тела королевы Аласты так и не нашли, вдовцом в глазах подданных он не был. Аристократия вполне могла объявить рожденного во втором браке ребенка бастардом. В итоге король не оставил потомков и престол наследовал его младший брат.

Принц провел пальцем по шее, чуть оттянув ворот рубахи.

– Я знал, что Леран Восьмой умер бездетным. Но не знал, почему.

Направляясь к дальней стене комнаты, король сказал на ходу:

– Эта история скрывается ото всех. Ты же понимаешь, чем грозит королевской династии появление соперника с синими глазами? А если в нем и впрямь проснулась древняя кровь?

Вынув небольшой ключ, он вставил его в незаметное отверстие в стене возле высокого шкафа. Торрен замер, пристально следя за действиями короля. Он подозревал, что в кабинете

есть тайный ход, но видел его впервые. Склонив голову, чтоб не удариться о низкую притолоку, вошел вслед за отцом в круглую темную комнату, освещаемую лишь светом из открытой двери.

В ней было пусто, если не считать стоявшего посередине массивного стола, припорошенного толстым слоем пыли. Дворцовые уборщики сюда не допускались. Принц повертел головой, пытаясь угадать, где находится скрытый тайник.

Зная страсть сына к разгадыванию загадок, Леран усмехнулся и скрестил руки на груди, давая безмолвное разрешение на поиски. Торрен медленно прошел вдоль стены, внимательно разглядывая едва заметные шероховатости в неровной поверхности. Те, что его заинтересовывали, он ощупывал сильными пальцами, недовольно морщился и снова шел дальше.

Король в это время хмуро сетовал:

– Не могу понять, чем руководствовалась королева Лусия, составляя нелепый предсмертный вердикт, который никто отменить не вправе! Любой человек с синими глазами имеет право потребовать для проверки королевский талисман! И стать королем или королевой, если камень его примет. Лусия должна была осознавать, что сеет после себя провокационную смуту. Или именно этого она и хотела? Ведь в ее время из Терминуса в Северстан ехало довольно много людей, а там синеглазые вовсе не редкость.

Принц с тоской подумал о сворах застоявшихся борзых, которых он напрасно приказал вывести из псарен. И когда отец его отпустит? Этот разговор казался ему напрасной тратой времени. Повернувшись к королю, бесцветно заметил:

– Путь в Терминус завален давным-давно, по нему и мышь не проскочит. К тому же вред этого указа был смягчен запретом на королевских бастардов. Жестоко, но действенно. После этого никто на амулет королевы не претендовал. Во всяком случае, прецедентов, насколько я знаю, не было.

Король предусмотрительно обернулся, будто кто-то мог их подслушать, и сказал, таинственно понизив голос:

– Были. Но об этом никто не должен знать! Через сто лет после похищения королевы Аласты во дворец заявился синеглазый мужчина и объявил себя прямым наследником Лерана Восьмого. И потребовал выдать ему амулет королевы.

Торрен оторвался от исследования стены и посмотрел на отца.

– И чем же это закончилось? Ему дали амулет прабабки Лусии? – Хмыкнув, злокозненно добавил: – Я бы не дал.

Губы короля скривила ехидная усмешка.

– Дали. Естественно. Никто не посмел нарушить приказ великой королевы. Но амулет в его руках не загорелся. Это был самозванец. Естественно, он был казнен. Как и вся его семья. Он проговорился, что в его роду синеглазые отпрыски отнюдь не редкость.

Принц непочтительно фыркнул.

– Не понимаю, чего все носятся с этим невзрачным осколком? Самый обычный карбункул. Я это точно знаю. Я его еще лет пять назад показал нашему придворному ювелиру. Его и драгоценным-то назвать нельзя.

Леран Двенадцатый внезапно развеселился.

– Конечно, нельзя, ты прав. Потому что камень подложный.

Услышав это, принц охнул и в полнейшем недоумении приоткрыл рот.

– Подложный? Но ведь это прямое нарушение вердикта королевы!

Король пренебрежительно надул щеки.

– В нем никаких указаний насчет хранения амулета нет. Поэтому младший брат Лерана Восьмого, весьма и весьма хитромудрый Авдотий Третий, став королем, совершенно верно рассудил, что амулет слишком опасен и для него самого, и для его потомков. И подменил камень.

Торрен неприлично выругался.

– То есть тот казненный претендент вполне мог стать королем, если б ему дали истинный амулет?

– Именно так! – подтвердил Леран Двенадцатый. – И тогда история страны была бы другой. И мы с тобой здесь бы не стояли.

Принц сглотнул, дернув кадыком, но не стал заострять этот неприятный момент.

– А где же подлинный амулет? Спрятан?

– Вообще-то это не амулет, – поправил его король, – а третья часть магического камня из короны королей Терминуса, запаянный в серебряную скань и висящий на серебряной цепочке. Из осколков он второй по величине, поэтому назван Секундо. Во всяком случае, именно таким он описан в наших летописях. Если ты спросишь, что с ним стало дальше, не знаю. Никаких сведений о том, куда Авдотий дел зачарованный камень, не сохранилось.

– О камне мне еще в младенчестве рассказывали, – принц уже не знал, чему верить. – Как сказку. А няньки по секрету говорили о королеве Лусии, что она была настоящей колдуньей, впрочем, доброй. А если учесть, что колдуньи у нас сжигаются на кострах, то королева у нас была весьма странного рода.

Король кинул злобный взгляд на портрет прапрабабки, виднеющийся в проеме распахнутой двери.

– Колдуньей ее делал Секундо. Камню приписывали возможность творить настоящие чудеса. И что он может подчинить себе слабого человека, тоже молва шла. Но что из этого правда, а что выдумки досужей черни, судить не берусь.

– Думаете, что невесть откуда взявшаяся синеглазая особа тоже может претендовать на наш престол? – Торрен злым тоном подчеркнул «наш престол».

И король это учел. Он знал, что сын любил власть. Но не ответственность, которую она налагает на королей. Леран Двенадцатый был уверен, что старший сын будет использовать власть не во благо королевству, а к выгоде одного-единственного человека, его самого. И не хотел этого.

Торрен остановился возле дальнего угла, простучал стену костяшками пальцев, чутко прислушиваясь к глуховатому звуку, обвел рукой полукруг и спросил:

– Это здесь?

Король подошел поближе и восхитился:

– Здесь. Как ты это делаешь?

Сын самодовольно усмехнулся.

– Не знаю. Я просто чувствую. Может быть, это досталось мне от наших предков? Они так долго владели чародейским камнем, что и сами стали немного колдунами.

– Поосторожнее с такими словами, Торрен, – король строго погрозил ему пальцем, как зарвавшемуся мальчишке. – Не хватало нам из-за этого сцепиться с главами храмов. Они и без того противоречат нам во всем. Если б храмовники объединились, то вполне могли бы соперничать с королями по силе. Хорошо, что они разрозненны и поклоняются разным богам.

Принц не считал дроттинов такими уж опасными. В стране было три главных храма, имеющих в каждом хераде малые храмы, постоянно соперничающие между собой за внимание прихожан и их денежки. Королевская власть в эти закулисные игры не вмешивалась. Как и храмовники не лезли в управление страной. Принц твердо знал – никто из них не будет рисковать своим теплым насиженным местечком.

Пропустив слова отца мимо ушей, показал пальцем на стену и отступил.

– А сам открыть не сможешь? – король не удержался от завистливого ехидства.

Торрен безразлично повел широкими плечами.

– Нет. Я же не колдун. И ключа у меня нет. Тайного слова я тоже не знаю.

– Хорошо. – Король медленно, чтоб наследник запомнил, прочертил на стене какое-то странное слово, скорее даже знак. – Королева Лусия, вернее, сопровождавшие ее зодчие,

построили наш дворец по образу и подобию королевского дворца в Терминусе. И в нем полно секретных ходов и тайников. Есть старинная карта, но в ней нет и половины всех дворцовых секретов. Видимо, кроме нее, была еще одна, ныне утерянная.

Он надавил ладонью на чуть заметно выступающий сбоку камень, повернул его направо, и в стене открылась небольшая бронзовая дверца. На дверце король нажал на едва видимые знаки в определенном порядке и потянул за резной завиток. За бесшумно открывшейся дверцей лежала старая ветхая рукопись, рядом с ней более новый свиток.

– Вот этот манускрипт, – Леран указал Торрену на пожелтевший пергамент. – Но он очень стар и может рассыпаться от одного прикосновения, поэтому я в свое время приказал с огромными предосторожностями переписать его на новый пергамент. Переписчик делал это в одиночестве, потом его пришлось казнить, чтоб он никому не смог передать то, что прочел. – Король бережно вынул из тайника туго скрученный более новый текст, подал сыну. – Возьми его.

Наследник с интересом взял пергамент и развернул длинный свиток. Проследил витиеватую запись до конца, нервно притопнул ногой.

– Многовато написано! – он сморщил нос. – И все это мне придется читать самому? Эту вычурную вязь?

– Однозначно самому! – король разделял нелюбовь сына к чтению, но повиновался своему нелегкому долгу. – Думаешь, мне нравилось обрекать на смерть ни в чем не повинного человека только потому, что тот был вынужден прикоснуться к королевской тайне? Долг есть долг. Знать о том, что здесь написано, посторонним незачем.

Торрен еще раз прикинул непомерную длину свитка. Представив, сколько времени зазря уйдет на разбор выписанных старинной вязью букв, попытался отвертеться от этого нудного занятия:

– Вы всерьез думаете, что о похищении королевы Аласты знаем только мы? Это же не в пустыне случилось, а в королевском дворце. Свидетелей было полно, это однозначно. Так что в архивах старинных аристократических родов сведения об этом есть.

– Есть-то есть, но кто роется в скучных старинных преданиях, если они не касаются его напрямую? – король неплохо знал своих подданных. – Вот ты бы стал узнавать, что случилось с кем-то из рода твоей любовницы элдормессы Соллени двести лет назад? – принц отрицательно затряс головой, ужаснувшись этому предположению, и король назидательно продолжил: – И так делают все. Редко кто из аристократов любит возиться в пыли старых рукописей. Я таких не знаю. Может, они и бывали прежде, но не в наше суетное время.

Принц огляделся в поисках чего-то, во что можно было завернуть рукопись, чтоб не вызывать ненужных подозрений у не в меру любопытных придворных и слуг. Сказать ему никто ничего не посмеет, но ласы точить примутся. Ведь все знают, что к чтению наследник не расположен, и то, что он собирается без секретаря осилить огромный пергамент, тут же наведет на ненужные подозрения и догадки.

Увидев на столе в соседней комнате вышитую льняную салфетку, пошел за ней, с укором говоря Лерану Двенадцатому:

– Тогда я вовсе не пойму, чего вы боитесь, мой король. Историю пропажи королевы Аласты никто не знает, ее возможные потомки уничтожены, амулет заменен, то есть никакой претендент ничего доказать не сможет. Следовательно, нашему благополучию ничто не угрожает.

Вышедший из потайной комнаты король тщательно запер ее и, повернувшись к сыну, возразил:

– Теоретически ты прав. Но дело в том, что я не знаю, где Авдотий спрятал настоящий камень. Он умер внезапно, унеся с собой многие тайны королевского двора, которые сам же и создал.

– Подозревали, что он отравлен? – для пушей сохранности принц бережно обернул свиток лежащей на столе полотняной салфеткой.

– В его смерти было много неясностей, – уклончиво ответил король. – Но доказать ничего не смогли. Его супруга, королева Клименсина, напрямую запретила расследовать обстоятельства его гибели, что породило немало подозрений в ее сопричастности к отравлению короля. А поскольку она осталась единственной регентшей своего малолетнего сына, то тайна смерти Авдотия ушла вместе с ним в могилу.

– Если верить весьма прозрачным намекам в летописях, то этот наш предок мало кому нравился, – блеснул принц познаниями в истории рода.

– Он был слишком похож на тебя, – король помолчал, не желая ссориться с сыном перед отъездом того за синеглазой особой, но все-таки сердито высказал: – от него слишком часто беременели придворные дамы. А чем это заканчивалось, ты знаешь и сам. Народной любви ему это не принесло. Так же как и уважения собственной супруги. Хотя доказательств не осталось, уверен, Авдотий был отравлен именно ею. Или при ее прямом участии.

Принц снова недобрым словом помянул несчастную Соллени. И как ее угораздило так подставить его с этой противозаконной беременностью? Но он лишь молча склонил голову, принимая выговор отца.

– Насколько я понял, вы опасаетесь, что очередной претендент найдет камень? – вернул он разговор к тому, что казалось ему наиболее злободневным. – Но ведь это невозможно. Амулет наверняка спрятан во дворце, а сюда просто так никому не попасть. Даже если он каким-то чудом здесь и окажется, за каждым его шагом будут следить. Он ничего не сможет сделать, если и будет знать, где искать.

– Если б я не был осторожен, то давно бы не жил, – в пылу спора король забыл, что эти слова касались его отпрыска в гораздо больше степени, нежели его самого. – Необходимо предусмотреть все, что возможно. И принять меры. Только так можно сохранить и голову, и корону. И династию.

Принц согласно поклонился, не поминая, что его такая участь постигла бы гораздо раньше, не будь он крайне осторожен. Причем охота на него началась давным-давно, в самом нежном возрасте, и, скорее всего, лежать бы ему на холодном мраморном ложе в королевском пантеоне, если б не предусмотрительность и опытность герцога Мальборского, своего дядьки по материнской линии, сумевшего предотвратить следующие непрерывной чередой покушения и сохранить племяннику жизнь.

Не желая говорить на эту щекотливую тему, принц испросил позволения уйти, привычно скрывая свои мысли за нарочитой беззаботностью:

– Надеюсь, вы не против, мой король, если я начну читать эту покрытую пылью историю после окончания охоты? – и уже серьезно уточнил: – Если я внезапно ее отменю, пойдут ненужные слухи. А это никому не нужно. Завтра я рукопись точно прочту.

Король был вынужден согласиться. Принц был заядлым охотником, и отвлечь его от любимого занятия никто был не в силах. Если он пропустит уже объявленную потеху, подозрений разного рода не миновать. А вот это в стране, и без того расшатанной недовольством и знати, и простонародья, было недопустимым.

– Хорошо. Я надеюсь, завтра вы без всяких оговорок ее одолеете. – Он перешел на «вы», значит, это был приказ, и Торрену ничего не оставалось, как низко склониться перед отцом в знак послушания.

Принц отнес рукопись в свои покои, убрал в тайник и вышел на площадь перед своей частью дворца. Его спутники, спешившись, шатались туда-сюда в ожидании своего предводителя. Увидев его, все в нетерпеливом ожидании уставились на него.

Вскочив в седло радостно загарцевавшего коня, принц подал знак к выезду, и толпа верховых со сворами лающих от предвкушения борзых помчалась по улицам столицы под резкие

звуки охотничьих рогов, от которых слышавшие их прохожие вжимались в стены домов, чтобы не быть затоптанными беспечными охотниками.

Проводив нелюбимого сына задумчивым взглядом, король направился на половину королевы.

Беззаботно смеющаяся Роветта в окружении щебечущих фрейлин мирно восседала в своем малом будуаре. В руках она держала маленькую рукописную книжицу с мастерски выполненными изображениями влюбленных, из которой что-то зачитывала внимательно слушающим ее дамам.

– Как красноречиво вы пишете о любви, моя королева! – восторженно призналась одна из фрейлин. – Вас можно слушать бесконечно.

Роветта иронично рассмеялась. Она не считала свое творчество чем-то значительным, то было лишь заделье от безделья. Она бы охотнее занималась государственными делами, если бы была такая возможность.

Леран Двенадцатый, отдавая должное ее уму, советовался с ней в особо сложных случаях, но до правления не допускал. Как и все его окружение, он был уверен, что женщинам у кормила власти делать нечего, хотя сам, балансируя между могущественными знатными родами, зачастую в угоду им поступал слишком опрометчиво, подвергая страну и народ опасностям междоусобной войны.

При виде супруга Роветта стремительно вскочила и вместо положенного по этикету реверанса танцующей походкой поспешила ему навстречу. Поцеловав в губы, провела пальцами по его щеке, где уже наметилась щетина, и сочувственно сказала:

– Дорогой, ты такой замученный! Что случилось?

Леран перехватил ее ладонь и нежно прижался к ней губами. Он любил жену и ценил ее искреннюю заботу. Эту женщину он выбрал сам из тысячи других и ни разу об этом не пожалел.

Он окинул многозначительным взглядом сидящих вокруг фрейлин, и королева, враз обо всем догадавшись, потянула его в свой кабинет. Прежде всего, плотно закрыв двери, она усадила венценосного супруга в кресло, налила ему легкого вина и только потом, присев на подлокотник его кресла и прижавшись грудью к его плечу, обеспокоенно спросила:

– Надеюсь, ничего серьезного не произошло?

Ее светло-голубые глаза лучились любовью и нежностью, и король, сделав глоток вина, растроганно ей улыбнулся.

В голубом платье с широкими серебристыми кружевами по подолу и рукавам, перехваченной серебряным поясом тонкой девичьей талией и изящно уложенными светлыми локонами Роветта до сих пор казалась молодой и красивой. И хотя у короля были фаворитки, любил он все-таки ее одну.

– Еще не знаю. – Он погладил лежащую у него на рукаве ладонь супруги и закончил: – В Авернбурге видели синеглазую особу. По слухам, девицу.

Королева испуганно вскрикнула. Чем это грозило ее семье, она знала. Приложив руки к щекам, переспросила:

– Это точно? – надежда, что это ошибка, еще оставалась.

Король удрученно качнул седеющей головой.

– Это мне сообщил элдормен Ветте, значит, так оно и есть. Но неясности еще остались. Я отправил Торрена выяснить все подробности. На днях он должен выехать. – Вспомнив о запретной беременности главной фаворитки сына, сердито уточнил: – Надеюсь, до этого он разберется с Соллени.

Роветта задумалась. Глава тайного королевского сыска никогда не ошибался. И если элдормен Ветте утверждал, что синеглазая особа где-то появилась, то так оно и есть. Разветв-

ленная сеть доносчиков и шпионов позволяла ему знать все, что делалось в королевстве. Или почти все.

– Может быть, стоит вернуть кровь в семью? – осторожно предположила она. – Если девица и правда королевской крови, то ее можно выдать замуж за кого-нибудь из отпрысков младшей ветви рода...

– Ты рассуждаешь, как глупая деревенская баба, а не как королева! – рассерженно прервал ее Леран. – Любой человек желает получить больше, чем имеет. Как ты думаешь, много ли времени пройдет, прежде чем эта особа захочет стать королевой? И править единолично. И что тогда станет с государством? Страной управлять – это не коров пасти! Какая-то безродная выскочка на престоле Северстана? Где тогда окажемся мы и наши дети? Хорошо, если она оставит нас в живых, а если нет? Зачем ей соперники?

Королева подумала о своих сыне и дочери. В самом деле, а вдруг этой особе вздумается прибрать к рукам власть в стране? Если ее признает камень, произойдет смена династий. И что тогда станет с ними? Муж прав, опасных соперников убивают, другого не дано. И жалость тут ни при чем. Пожалеешь другого – погубишь себя.

– Ты прав, – поспешно согласилась она с супругом. – От нее лучше избавиться. И как можно скорей. – Извиняясь, потерлась носом о его щеку.

Король несколько успокоился и в знак прощения ласково сжал ей руку.

– Конечно. Это самое разумное. Уверен, Торрен не подведет. Это и в его интересах. Пока он все еще наследный принц.

Роветта вздохнула. С пасынком у нее были натянутые отношения. Он был уверен, что все покушения на него исходят от нее, а она никогда не оправдывалась. Король рукой, униженной перстнями, утешающе погладил ее по светлым волосам, как маленького ребенка. Она подняла взгляд и вновь, как в молодости, утонула в его серых глазах.

– Мне нужно идти, радость моя, – король нехотя поднялся с кресла. Она встала тоже, провожая его к выходу. У дверей он остановился, скользнул губами по ее лбу и пообещал: – Вечером я приду. Поужинаем вместе, как обычно. И поговорим. Что-то после доклада Ветте у меня нехорошо на душе.

Он ушел, а Роветта с ужасом подумала:

«Неужели предсказание колдуньи сбудется? Как же его предотвратить?»

Глава вторая

Оставшись в одиночестве, королева, обеспокоенная полученными от короля неприятными известиями, сообщила фрейлинам, что желает отдохнуть в тишине. Ушла в спальню, прилегла на огромное супружеское ложе, прижала к щеке подушку, пропахшую запахами Лерана – сосной и мускусом, и прикрыла глаза.

Ей вспомнилась их первая встреча, когда она, еще совсем юная девушка, приехала в королевский дворец на традиционное представление королевской семье, обязательное для всех аристократических родов.

К правящей династии она отношения не имела, но, поскольку ее предки приехали из Терминуса с невестой короля Северстана принцессой Лусией, то ее родители считали себя почти ровней если не королю, то принцам королевской крови точно.

В родовом замке маркизов Аметти, где прошло детство и отрочество Роветты, жило много красивых мужчин, но на всех она смотрела с высокомерным равнодушием юности. Во дворце ей тоже никто не нравился, пока она не столкнулась в одном из коридоров с мрачным молодым мужчиной, даже не посмотревшим в ее сторону, хотя она уставилась на него с неприличным интересом. Он был высок, мускулист и красив настоящей строгой мужской красотой. Она долго смотрела ему вслед, гадая, кто же это мог быть.

Он приснился ей в эту же ночь. Смотрел в глаза и нежно целовал. Впервые в жизни она проснулась в полном смятении на перекрученной постели.

Матери не сказала ничего. Они вообще не были близки, ее мать, урожденная герцогиня Галанская, пыталась сделать из дочери послушную куклу, а Роветта по мере сил этому сопротивлялась. Пусть не внешне, но внутренне.

Из-за очередной болезни королевы Геральды торжество откладывалось. Семейство маркизов Аметти было вынуждено жить весьма стесненно из-за множества обитавших тут же во дворце юных аристократов, прибывших со своими родителями. Но Роветта об отсутствии привычных удобств ничуть не жалела. Наоборот, боялась, что они уедут, а она так и не познакомится с тем, кто похитил ее сердце.

Чтоб увидеть его, она все свободное время проводила в том коридоре, где случайно встретила. Но он так и не появился.

Но вот королева сообщила, что вполне здорова, и юные дворяне, приехавшие во дворец для представления королевской чете, были приглашены на аудиенцию.

В парадном бархатном платье ярко-голубого цвета, делающей ее большие глаза выразительнее, Роветта казалась себе взрослой. Когда камеристка под бдительным надзором маркизы Аметти в последний раз разровняла складки наряда, Роветта, глядя на себя в большое напольное зеркало, думала не о встрече с правящей четой, она молилась всем богам только об одном: встретить *его* и понравиться *ему* так, как он понравился ей. И ничего в жизни ей больше не надо.

Перед залом для торжественных аудиенций маркиз Аметти окинул дочь придирчивым взглядом и удовлетворенно кивнул супруге, признавая, что та сделала все так, как должно. В сопровождении родителей Роветта вплыла в огромный зал второй следом за представленным королю юным герцогом Фортранским, после него их род считался среди представляемых аристократов самым знатным.

Подошла, не поднимая глаз, как того требовал этикет, и низко склонилась перед сидящей на двух одинаковых тронах королевской четой. Королева произнесла что-то приличествующее моменту странно неприязненным тоном. Ей что-то не понравилось?

Роветта недоуменно вскинула глаза и пошатнулась. На троне восседала сухопарая королева с брезгливым выражением узкого неприятного лица, похожего на лошадиную морду. На

ней было пышное золотистое платье, резко контрастировавшее со строгим темно-синим нарядом короля, хотя они должны были быть одеты как пара в сочетающиеся друг с другом одежды.

Но поразило ее не это. Рядом с королевой сидел *он*, тот, кто ей снился каждую ночь!

Это было настоящим потрясением. Пошатнувшись, девушка почувствовала, как мутится в голове. Ощувив приближение скорого обморока, до боли закусила нижнюю губу, чтоб прогнать удушье, и быстро выпрямилась.

Король, до этого времени сидевший, отвернувшись от своей королевы и безразлично глядевший в окно, повернул голову и посмотрел Роветте в глаза. Что он там увидел, она не знала, но проводил он ее уже заинтересованным взглядом.

В своих покоях маркиза отослала слуг и тихо сказала супругу:

– Королева становится все гаже и гаже. Сразу видно, что она не в себе. Как он с ней живет? Она же отвратительна!

Тот ответил таким же тихим голосом, исключительно для жены:

– Лерану можно только посочувствовать. Государственные интересы важны, это неоспоримо, но, тем не менее, его отцу не стоило настаивать на браке именно с этой невестой. Увы, подходящего возраста из всего королевского рода оказалась только Геральда, а он не захотел ждать, когда подрастут следующие претендентки. Ни к чему хорошему этот брак не привел, если не считать рождения наследника. Капризы неумной супруги достали не только короля, но и всю дворцовую челядь. Но, в принципе, это не наше дело. – Он перевел взгляд на несколько растерянную после представления дочь и с удовлетворением сказал уже в полный голос: – Но теперь все условия этикета выполнены, и Роветта может беспрепятственно выходить замуж.

Слышавшая эти слова девушка вспыхнула. У нее же есть жених! Как она могла об этом забыть! Элдормен Ветте был несколько ниже маркизов Аметти по статусу, как происходивший из коренной знати Северстана, но зато неизмеримо богаче. И помолвка состоялась еще пять лет назад, когда Роветта была сущей девчонкой.

– О, я хочу еще побыть при дворе! Мне здесь так понравилось! – вскричала дочь. Это было неправдой, но одна мысль о том, что ее телом будет обладать кто-то другой, кроме короля, для нее была непереносима.

Родители переглянулись. Маркиз со свойственным ему практицизмом прикинул, что при дворе вращаются куда более выгодные женихи, и разрешающе кивнул жене. Королю о помолвке доложено не было, расторгнуть ее не составит никакого труда, если вдруг появится более достойный претендент.

– Оставаться здесь мы больше не можем, – с сомнением заявила маркиза. – Мы и так пробыли на целую неделю больше положенного срока. Но, насколько я знаю, королеве нужна фрейлина на место элдормессы Акольд, которую она выгнала за непочтительность. Можно спросить у герцогини Зорион, гофмейстерины королевы, не возьмет ли она тебя на это место. Она моя кузина, возможно, дело и сладится.

Маркиза отправила свою камеристку узнать, не сможет ли герцогиня Зорион принять ее по неотложному делу. Через несколько минут запыхавшаяся от быстрого бега камеристка доложила, что маркизу ожидают в малом будуаре королевы.

Герцогиня в официальном темно-сером платье королевской фрейлины, отличавшемся от прочих лишь массивной золотой цепью на поясе с прикрепленными к ней символическими золотыми ключами, встретила кузину, стоя возле украшенного изящным узором маленького столика для рукоделия. Больше в комнате никого не было. С досадой указала рукой на свой неприятный наряд.

– Терпеть не могу эту гадость, но это, видишь ли, приказание нашей невероятной королевы. По ее высочайшему повелению в этом мышином уродстве должны ходить все ее фрейлины. Боится, что в других нарядах она на нашем фоне будет выглядеть ничтожеством. – Герцогиня презрительно хохотнула и добавила: – И в этом есть свой резон.

Выслушав просьбу родственницы, неодобрительно покачала головой.

– Моя дорогая, ты же знаешь, как неприятна наша королева. Она взбалмошна и капризна, зла и попросту жестока. А после того, как король после рождения наследника перестал посещать ее спальню, сочтя свой долг по обеспечению передачи наследования выполненным, она и вовсе взбесилась. Розетта быстро пожалеет о своем решении. Терпеть нелепые и унижительные причуды взбалмошной Геральды никто долго не может. Через месяц уходят даже самые терпеливые.

Маркиза согласно кивнула.

– Все это так, я знаю. Но возможность удачно выйти замуж в королевском дворце несопоставима с нашим не таким уж и большим родовым замком. Элдормен Ветте неплохой вариант, но урожденная маркиза Аметти может устроиться в жизни и получше.

Герцогиня одобрительно хохотнула.

– Вот оно что! И как я это сразу не сообразила! Старею. Жизнь здесь не сахар, все мозги сокрушила эта королевская служба. Хорошо, я постараюсь свести племянницу с лучшими женихами Северстана. Она красива, приданое достойное, так что это нетрудно будет сделать. Надеюсь, больше месяца она здесь не задержится. Бывшая комната элдормессы Акольд в ее полном распоряжении.

Поблагодарив кузину и заверив ее в своей преданности, маркиза отправилась в выделенные чете Аметти покои. Приказав слугам собирать вещи свои и мужа, сообщила дочери:

– Можешь занять комнату фрейлины вместо элдормессы Акольд на половине королевы. И я прошу тебя выполнять все указания герцогини Зорион. Она приняла в тебе живейшее участие. Я надеюсь на твое благоразумие. – И тонко намекнула: – Ты можешь посмотреть вокруг, ведь на элдормене Ветте свет клином не сошелся, но будь при этом крайне осторожна. Помни о своей чести и благородном имени, которое носишь.

Роветта, и не надеющаяся на столь благоприятный исход, чуть не кинулась в радостном порыве на грудь матери и сдержалась только под ее укоризненным взглядом. Маркиза Аметти придерживалась строгих взглядов на этикет, и проявление чувств, да еще и прилюдно, считала отвратительным проявлением простонародности.

Ранним утром следующего дня родители уехали. Дочь проводила их по длинным коридорам до выхода из дворца, но выходить на стылый мороз не решилась. Распрощавшись с ними и пообещав вернуться домой не позднее, чем через месяц, прошла в свою комнату и принялась размышлять, как бы ей увидеть короля.

От одной мысли, что это возможно, что она живет с ним в одном здании, под одной крышей, по телу пробежал горячий озноб и мелко подрагивали кончики пальцев.

– Джасинта, ты не знаешь, где может быть король? – спросила она, надеясь, что голос при этих словах не дрогнет, выдавая ее чувства. – Он не приходит к королеве? А то я его стесняюсь.

Камеристка подозрительно посмотрела на свою госпожу. Стесняюсь? Это что-то новенькое. Роветта никогда никого не стеснялась, даже будучи совсем маленькой девчушкой. Поняв, что это неспроста, хмуρο завершила:

– Не беспокойтесь, он наверняка у своей любовницы. Не у той, так у этой. И хотя он никого своей официальной фавориткой не назначил, это может произойти в самое ближайшее время. Правда, королева закатит очередной скандал, но к этому во дворце уже все привыкли. Ее здесь не очень-то любят.

Роветта задохнулась от пронзившего грудь острого удара. Этого она никак не ожидала. Ей казалось, что король, как и она сама, тоскует без настоящей любви, и его разгульная жизнь в ее девичьи фантазии никак не укладывалась. От невыносимой боли сердце билось медленно и с таким трудом, что ей показалось – она умирает.

Но показывать слабость было нельзя – вряд ли Джасинта удержится, чтоб не поделиться своими соображениями с какой-нибудь давнишней подружкой, и сплетня пойдет гулять сначала по королевскому дворцу, а потом и по всему королевству.

Она распрямила плечи и небрежно произнесла:

– Это хорошо. Значит, моей чести здесь ничто не угрожает, – и выпорхнула из комнаты.

Чуть слышно фыркнув, камеристка принялась перестилать господскую постель. Ей не нравилось здесь. Одно то, что ей приходилось выполнять обязанности не только камеристки, но и горничной, да еще за те же деньги, просто бесило.

К тому же здесь она не имела своей комнаты и была вынуждена спать в одной комнате с беспокойной девицей за небольшой ширмой. В замке маркиза Аметти в одной комнате по двое жили только слуги, да и то младшие. Там в ее личном пользовании, как доверенной камеристки дочери маркиза, были две удобные комнатки рядом с покоями госпожи, а здесь?

Единственная надежда, поддерживающая ее в это тяжелое время – глупая блажь у Роветты скоро пройдет, и они отправятся восвояси после первого же оскорбления, нанесенного юной маркизе несдержанной королевой. Хамоватой – было бы точнее, но разве можно так говорить о самой королеве?

Старательно оправив плохо сидящее на ней форменное серое платье, Роветта опасливо вошла в покои герцогини Зорион. Они были побольше, чем у нее, но тоже казались маленькими и неудобными. Или ее просто избаловали родители, и остальные дворянки в своих родовых замках живут вовсе не так привольно, как она?

Герцогиня вслед за гостьей повела вокруг недовольным взглядом.

– Да, это больше похоже на опалу, а не на привилегию. Мне осталось служить королеве еще два года. Целых два года! – трагически повторила она. – Не знаю, как я это выдержу. Ты же знаешь, что герцогские роды обязаны выделять герцогинь для придворной должности гофмейстерины?

Роветта кивнула. А она-то по глупости считала, что это очень почетная должность! До чего же она наивна! Но пребывание во дворце, пусть и подле отвратительно ведущей себя королевы, должно сослужить ей добрую службу. Она заведет здесь не только нужные знакомства, но и узнает про все подводные течения, о которых не знает ее матушка. Или знает, но не желает ей о них сообщать, что, по сути, одно и то же.

– В прежние времена это было гораздо легче, – завистливо выдохнула герцогиня, – это было даже приятно и почетно! Тогда из желающих занять эту должность выстаивалась целая очередь, и королевы меняли своих гофмейстерин каждые полгода, чтоб дать возможность показать себя при дворе всем желающим. А сейчас герцогини уклоняются от этой обузы под любым предлогом. Герцогиня Мальорская даже ребенка родила, хотя в ее далеко не юном возрасте это не только смешно, но и опасно! И только для того, чтоб не появляться при королевском дворе!

Роветта тихонько вздохнула. Ей неинтересны были дела увиливающих от своих обязанностей герцогинь. А вот о короле хотелось узнать как можно больше. Но вот как спросить? Это сразу покажется подозрительным. Но герцогиня, найдя благодарного слушателя, да еще и родственницу, которая заведомо никому ее слова не передаст, принялась жаловаться на него сама:

– А Леран от своей замечательной супруги вообще сбежал! Они даже едят порознь! Он предпочитает трапезничать в обществе своих любовниц. И я его понимаю! Терпеть постоянные гнусные намеки и подколки дурно воспитанной королевы я лично бы на его месте вообще не стала! И, – она с глумливой усмешкой понизила голос, подчеркивая сказанное: – он даже не против, если б она сама завела себе любовника! Но, – тут герцогиня откровенно захихикала, – никто из наших доблестных кавалеров не соблазнился на прелести королевы, хотя она уже несколькими из них говорила прямо, что хотела бы их видеть рядом с собой! Но после этого они быстренько уезжали из дворца под самыми дурацкими предложениями! Последний из избранных,

элдормен Огути, вообще заявил, что собирается стать дроттином в своем родовом храме, из-за чего вынужден спешно покинуть королевскую службу, и попросту сбежал! Дроттином, можешь себе представить? Когда он даже не знал, какому богу посвящен его родовой храм! – и она захохотала во весь голос.

Девушка конфузливо опустила взгляд. Дома с ней о таких вещах никто не говорил. Конечно, она знала о подобном, кое-какие слухи до нее все-таки долетали, главным образом от несдержанных слуг и скабрезных намеков старших братьев, но так прямо, в глаза, она ничего подобного не слышала.

Что ж, нужно привыкать. По-видимому, подобные неприличные разговоры во дворце в порядке вещей.

Возле дверного косяка лихорадочно задержался колокольчик. Герцогиня зло произнесла несколько незнакомых Роветте слов.

– А, не обращай внимания! – небрежно махнула рукой гофмейстера. – Конечно, это из лексикона конюхов, которым на босую ногу кобыла подковой наступила, но здорово облегчает жизнь. Это трезвонит наша королева, чтоб ей... – и она снова произнесла несколько облегчающих душу фраз. Роветта старательно их запомнила, они ей наверняка пригодятся в нелегкой дворцовой жизни. – Пошли к этой ненормальной, по дороге скажу, что входит в твои обязанности как ее фрейлины.

Они поспешно зашагали по коридору в сторону личных покоев королевы. Герцогиня торопливо перечисляла на ходу:

– Ты будешь должна читать вслух королеве дурацкие слезливые романы о пылкой любви, подавать ей воду и носовые платки, она очень любит порыдаться над чужой любовью, ну и позвать горничных, если ей понадобится что-то посущественнее. Но на дежурстве вас будет три девушки, так просто делай то, что делают они. Но не перестарайся – фрейлины – это не служанки, хотя наша королева и не видит между ними разницы. Пробыть в покоях королевы тебе нужно будет восемь часов, до ужина. Вечером с ней остается ее няня. Невероятно терпеливая особа! – поневоле восхитилась гофмейстера. – Она Геральду вырастила и до сих пор считает милой маленькой девочкой.

Они вошли в приемную королевы. Роветте по глазам ударила тяжелая безвкусная роскошь. Пышная позолота с багряно-пурпурными узорами душила. Причем не на словах – в покоях было неимоверно душно от тяжелого аромата пряных трав.

– Геральда любит болеть, и уверена, что простужается от малейшего сквозняка. Поэтому здесь без перерыва жгут благовония. По ее мнению, только они и спасают ее от бесконечных недомоганий, – с презрением шепнула своей протеже герцогиня.

В малом будуаре в удобном глубоком кресле, обложенная множеством вышитых подушек, с томным видом восседала королева. Здесь было не менее душно и неприятно, чем в приемной. Роветта изящно склонилась в низком придворном реверансе.

Гофмейстера, изобразив нечто похожее, но на редкость небрежное, не слишком приятным тоном провозгласила:

– Моя королева, вот ваша новая фрейлина, дочь маркиза Аметти. Надеюсь, вы будете довольны. Ее матушка несколько лет была любимой фрейлиной королевы Идиль.

Так матушка была любимой фрейлиной матери короля? Роветта не успела этому удивиться, как королева, оглядев ее с ног до головы взыскательным взором, небрежно уточнила:

– Дочери это не грозит. Явно глупа и плохо одета. Ступайте вон в тот угол и не попадайтесь мне на глаза!

Это было сказано с таким презрением, что Роветте впервые в жизни захотелось ударить человека по лицу. По наглости, глумливому, раскрашенному как грубая крестьянская кукла, лицу. Но она лишь послушно склонила голову и, чтоб не сорваться, быстро ушла в отведенный ей угол.

Да, не так она представляла себе служение королеве. Да она хуже их соседки элдормессы Аверн! А она-то наивно считала, что своей недалекой самоуверенностью в своей правоте та хуже всех! Да уж лучше выслушать с десяток ее глуповатых поучений, сказанных с доброй целью, чем один раз ничем не заслуженные оскорбления высокомерной королевы.

Но она здесь вовсе не из-за надменной и грубой Геральды, и ей нужно это помнить, когда она услышит очередную гадость из королевских уст.

Просидев никем не замечаемая в углу несколько часов, она искренне обрадовалась, когда подошло время ужина. Королева отпустила фрейлин небрежным кивком головы. Роветта торопливо пошла к выходу, гадая, сколько времени она сможет выдержать презрение королевы и надеясь сегодняшним вечером сбежать в тот коридор, где впервые увидела короля, как дорогу ей перегородила высокая фигура.

В задумчивости она не успела ни остановиться, ни свернуть и ударилась о твердую грудь. Мужчина стремительно обхватил ее за талию, не давая отшатнуться.

– Вы что, решили сбить меня с ног? – глубокий баритон заставил ее замереть, вскинуть взгляд и в молчаливом восторге взирая на свое божество.

Король в свою очередь пристально разглядывал хорошенькое девичье лицо. Он заметил ее на представлении молодых дворян, но из-за присутствия королевы, цепляющейся даже не к слову – жесту или взгляду, и имеющей шпионов во всех уголках дворца, встреч с ней не искал.

Но едва он прижал к себе ее нежное тело, как его потянуло к ней с непреодолимой силой. Леран даже изумленно округлил глаза, не понимая, что с ним случилось. Он бы с удовольствием взял ее в свою постель, но сманивать фрейлин у королевы, чтоб сделать их своими фаворитками, было попросту неприлично. Да и мерзких скандалов, которые Геральда не стеснялась закатывать на весь дворец, не хотелось.

Опомнившись, Роветта вывернулась из-под его руки, отступила на шаг и сделала положенный по этикету низкий реверанс. Досадливо хмыкнув, король милостиво кивнул и прошел внутрь. Мечтательно глядя ему вслед, Роветта на несколько мгновений задержалась, как раз для того, чтоб услышать негодующий вопль чем-то разъяренной королевы. Не желая присутствовать при семейном скандале, подобрала длинные юбки и метнулась прочь.

На следующий день королева встретила своих фрейлин бледная, с заплаканными красными глазами.

– У вас есть холостые братья? – спросила она дрожащим голосом.

Фрейлины переглянулись. Роветта хоть и была далека от амурных дел, но и то сразу догадалась, для чего королеве понадобились братья собственных фрейлин – она ищет любовника!

Это было до того мерзко, что Роветта не сумела сдержать брезгливой гримасы. Королева это тотчас заметила.

– Ты чем-то недовольна, негодяйка? – зашипела она, как загнанная в угол змея.

К своему удивлению, Роветта смогла ответить вполне почтительно:

– Нет, моя королева. Я просто думаю.

– О чем? – голос был похож на скрежет заевшего замка.

– Мои старшие братья, к моему глубочайшему сожалению, женаты. – Что женат один, а другой только помолвлен, как и она, Роветта не уточнила. Не станет же Геральда выяснять такие мелочи?

Недовольно фыркнув, королева перевела требовательный взгляд на других придворных дам. Но фрейлины дружно заверили ее, что братья у них или женаты, или слишком юны, чтоб быть представленными ко двору, либо их просто нет.

Прикусив губу от разочарования, королева заявила во всеуслышание:

– Жаль! Было бы здорово навязать этому мерзкому выродку ублюдка! Но я все равно своего добьюсь! – и зловеще захохотала.

По коже Роветты прокатилась испуганная дрожь. Неужто королева безумна? Ведь нормальный человек не станет ни говорить подобные вещи, ни так дико хохотать.

Во время перерыва, когда королева, отпустив фрейлин, хотя вернее было бы сказать «выгнав», Роветта задала этот вопрос герцогине Зориан, та поморщилась и признала:

– Думаю, это результат близкородственных браков. Королевская семья не так уж и велика, сейчас в ней не более сорока пяти членов. И все они связаны между собой многочисленными родственными связями, по сути, у них у всех одна кровь, ведь браки вне семьи не позволяют. Отсюда и разные отклонения. Их, конечно, на свет божий не выносят, но я знаю, что некоторых детишек, о рождении которых широко объявлялось, так никто никогда и не видел, хотя они уже давно взрослые. И почему бы это, интересно? Так что Геральда – далеко не худший образец королевской семейки. К тому же она с детства знала, что будет королевой. А раз так, к чему стараться? Все равно ничего не изменится.

Прервавшись, герцогиня налила себе в бокал легкого красного вина, разбавила его водой и выпила, проговорив:

– Единственная выгода от присутствия во дворце – здесь подают вино. Не самое лучшее, но все-таки настоящее. Не то, что этот несносный сидр. – Смочив пересохшее горло, продолжила разговор: – В Геральду с трудом вдолбили начатки этикета, и только, все остальное ей оказалось не по уму. Но нужно признать, пока она жила в родительском доме, таких диких выходок, как здесь, себе не позволяла. Ее отец герцог Мальорский не особо с ней церемонился, его она побаивалась. За что и отплатила, став королевой. Ты в курсе, что ее родители в ссылке в одном из самых тяжких для жизни мест – в Северной пустоши? И отправила туда их она, родная дочь? Мать еще жива, а вот герцог опочил. Причем при весьма странных обстоятельствах. Говорят, в гробу он был странного синюшного цвета. Такого, какой бывает при отравлении синильной мореной.

Уставившись на герцогиню во все глаза, Роветта потрясенно замотала головой, не понимая, как можно так поступить с самыми родными людьми.

– Да, вот такая у нас королева, – желчно фыркнула гофмейстерина. – Благородная и благодарная. Сегодня она опять искала себе любовника? – Роветта кивнула, и Зориан погрозила кулаком на восток, туда, где были покои взбалмошной Геральды. – Знаешь, есть такие мерзкие жуки, у которых самки после спаривания поедают своих мужей. Так вот она точно такая. Недавно от нее все кавалеры держатся на безопасном расстоянии. Ты молодец, что не выдала своего брата. И вообще постарайся от королевы никаких поручений никому без меня не передавать.

Роветта заверила ее, что и не подумает этого делать.

Через неделю она шла к королеве с такой неохотой, что только мысль о возможной встрече с королем останавливала ее от просьбы об отставке. Но король в покоях ненавистной супруги больше не появлялся. В коридорах дворца, по которым бродила Роветта в тщетной надежде на встречу, его тоже не было видно.

Она несколько раз доходила до его личных покоев, но возле них стояла вооруженная стража, и ей приходилось поворачивать назад под насмешливыми всепонимающими взглядами здоровенных мужиков.

Это было унижительно и стыдно, но она с собой ничего поделать не могла. Появившийся во дворце элдормен Ветте, приехавший специально, чтоб повидать невесту, никаких добрых чувств у нее не вызвал. Узкие губы, угольные брови и впалые щеки придавали ему вид зловещего упыря из простонародных преданий. Хотя видевшие его фрейлины дружно заявили, что он очень даже неплох, и что она просто дурочка, что тянет время. Вот уведет его какая-нибудь красotka, будет знать!

Роветта была бы рада, если б его кто-то увел. У нее даже мелькнула мысль познакомить его с королевой, но тут же пропала. Что это ей даст? Он вполне может быть одновременно и ее мужем, и фаворитом королевы. Одно другому не мешает.

Если уж король не против стать рогоносцем, лишь бы избавиться от притязаний склочной женщины, то ушлый элдормен вполне может на это пойти, ведь выгоды от такого союза очевидны – власть и привилегии, а, возможно, и титул герцога.

Роветта еще долго бродила бы возле покоев Лерана Двенадцатого, надеясь на встречу, если бы герцогиня Зорион, уже откровенно избегающая королеву, не позвала ее как-то к себе и не спросила в лоб:

– Дорогая, что ты здесь потеряла? Я ведь вижу, что Геральда своей дурью и спесью достала и тебя. Ты что, пытаешься увильнуть от ненавистного замужества? Тебе так противен твой жених, и ты надеешься поменять его на другого?

В какой-то степени это было правдой, и девушка сконфужено опустила взгляд. До встречи с Лераном элдормен Ветте если и не внушал ей нежной любви, но и не вызывал отторжения. А сейчас она была готова на все, лишь бы избежать постылого брака.

– Если он тебе уж так не по нраву, почему ты ему просто не откажешь?

Роветта судорожно сжала рукой ворот служебного мышинового платья и, все так же склонив голову, прошептала:

– А как? Ведь о помолвке с элдорменом договаривались мои родители. Меня никто не спрашивал, хочу ли я иметь такого мужа. Так что отказываться от меня должен или сам элдормен, или мой отец. Мое мнение значения не имеет.

Герцогиня покивала, слегка похлопав Роветту по щеке.

– Сочувствую. Твой отец от такого выгодного зятя сам не откажется. Маркизу Аметти еще двух дочерей пристраивать надо, да и сыновьям приличное обеспечение дать, а состояние у него уже давно не соответствует высокому титулу. Боюсь, тебя ждет несчастливое замужество. Единственный выход – скомпрометировать тебя так, чтоб от тебя отказался сам элдормен. Но ты понимаешь, что после такого тебе будет крайне сложно выйти замуж, если вообще не невозможно?

Роветта удивленно вскинула голову. Она уже привыкла к прямоте герцогини, но той время от времени удавалась-таки ее шокировать.

– Скомпрометировать? Как это? Отец мне такого не простит. Отправит в монастырь на всю жизнь. Такого я не хочу.

– Смотря кто тебя скомпрометирует, – уверила ее гофмейстерина. – Если это будет сам король, то крыть не столь уж обеспеченному маркизу Аметти будет нечем. Уверена, втайне он будет даже доволен твоим смелым поступком. Ведь король не скуп и всем своим любовницам выделяет весьма приличное содержание. Его вполне хватит обеспечить всех остальных детей маркиза.

При словах «король» и «любовницам» Роветта побледнела. Ее и без того изводили ревнивые сновидения, в которых Леран целовал не ее. Рука на шее импульсивно сжалась, оставляя красные пятна.

Заметившая это герцогиня хмыкнула.

– Тебе это не нравится? – Сама она с удовольствием бы упала в объятия Лерана, но вот только король был на редкость избирателен в своих пристрастиях, а она – увы! – уже не так молода, чтоб вешаться ему на шею. – Ерунда, он хорош в постели, это мне прямо говорили те, кто там побывал, так что сведения верные.

Роветта подумала, что никто из королевских любовниц и не сказал бы ничего другого, не враги же они сами себе, но благоразумно промолчала. Не хватало еще ей, незамужней девице, обсуждать такие вещи.

Севшая на любимый конек гофмейстерина упоенно вещала:

– Тут сложность одна: он не смотрит в сторону королевских фрейлин. Умный, не желает лишний раз нарываться на скандалы с постылой супружницей. Кстати, – успокаивающе добавила она, глядя на бледную родственницу, подавленную перспективой влиться в ряды коро-

левских однодневных амар, – любовниц у Лерана не так уж много, всего три постоянных. Возможно, есть и временные, но я про них ничего не знаю. Было бы очень хорошо, если б ты пришлось ему по нраву.

В душе Роветты вспыхнул и тут же погас огонек надежды. Она прерывисто вздохнула, а герцогиня негодуя зашипела:

– Ходят слухи, что он собирается сделать официальной фавориткой герцогиню Фортранскую, а это не просто плохо, это ужасно! – она всплеснула пухлыми ручками и возмущенно закатила глаза. – С ее мерзким характером дворец превратится в настоящее поле военных действий для мстительной королевы и заносчивой фаворитки. И неизвестно, до каких пределов они могут пойти. Похоже, Леран именно этого и добивается, ведь давно известно: ставил мужик между собой двух соперничающих баб – и живет себе спокойно. Но нам, фрейлинам королевы, тогда вовсе никакого житья не будет, отыгрываться Геральда будет именно на нас. Поэтому нам с тобой нужно сделать все, чтобы это предотвратить.

Роветта уже довольно пробыла при дворе, чтобы понять – слова о ее несчастливом замужестве были только предлогом для главного – убрать с горизонта герцогиню Фортранскую, род которой извечно соперничал с родом Зорион, для чего завлечь короля в ее, Роветты, постель.

Если бы девушке не нравился Леран, она бы решительно отказалась от столь сомнительного предложения, но тут поняла, что это рука самой судьбы.

– А что мне для этого нужно будет делать? – нерешительно спросила, будто сомневаясь.

– О, ничего особенного, моя дорогая племянница! – небрежно заверила ее герцогиня. – Король очень любопытен и никогда не откажется попробовать что-то новенькое. Герцогиня Фортранская заинтересовала его тем, что якобы случайно потеряла подвязку у него перед носом. Мужчины вообще очень любопытны, да и воображение у них всегда работает в одном направлении, так что ее расчет оправдался.

– Но она ведь замужем? – Роветта не могла представить, как супруг мог спокойно отдать свою жену на ложе королю.

– А кого это смущает? – в подтверждение своих слов герцогиня небрежно махнула рукой. – Наверняка этот ловкий трюк и был проделан по наущению самого герцога. Власть лишней не бывает, как и деньги. К тому же у него есть два наследника от первого брака. Я не удивлюсь, если он и женился на этой бойкой смазливой девчонке с одной целью – подложить ее под короля. Что ж, нужно признать, ему это удалось. – И она завистливо протянула: – Дальновидный прохиндей...

Изумленно похлопав глазами, Роветта поняла, что, если она и надеется занять хоть какое-то место подле короля, то интригам ей еще учиться и учиться.

Герцогиня обошла ее кругом, оглядывая скептическим взглядом.

– Все закрыто. Это неправильно. Нужно глубокое декольте и...

– Нет, нет! – решительно возразила Роветта. – Не нужно ничего открывать. Вы сами сказали, что король очень любопытен. А какая может быть загадка там, где все можно увидеть? Вот если б устроить так, чтоб король захотел увидеть побольше...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.